

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

**ОБЗОР ПРЕЦЕДЕНТНОГО ПРАВА СУДА
(ЯНВАРЬ-ИЮНЬ 2015 ГОДА)**

© Совет Европы / Европейский Суд по правам человека, 2015

Воспроизведение разрешено в некоммерческих целях, при условии обязательной ссылки на источник.

Оригинальные версии на английском и французском языках доступны для скачивания на www.echr.coe.int (Case-law – Case-law analysis – Overview of the Court’s case-law). Данный перевод опубликован по согласованию с Советом Европы и Европейским судом по правам человека и ответственность за его содержание несет только Украинский Хельсинский союз по правам человека.

ОБЗОР ПРЕЦЕДЕНТНОГО ПРАВА СУДА (ЯНВАРЬ-ИЮНЬ 2015 ГОДА)¹

---

¹ Этот Обзор содержит подборку дел, представляющих интерес с юридической точки зрения. Он был составлен Отделом юрисконсульта и не является обязательным для Суда.

Это – предварительная версия, охватывающая первые шесть месяцев 2015 года. Она будет заменена финальной версией, охватывающей весь год.

Содержание

Юрисдикция и приемлемость	1
Юрисдикция государств (статья 1)	1
Основные права	2
Право на жизнь (статья 2)	2
<i>Обязательство защищать жизнь</i>	2
<i>Эффективное расследование</i>	3
Запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания (статья 3).....	4
<i>Запрет пыток</i>	4
<i>Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение</i>	5
<i>Эмоциональные страдания близких родственников</i>	6
<i>Вооруженные силы</i>	7
Запрет рабства и принудительного труда (статья 4).....	7
<i>Принудительный или обязательный труд</i>	7
Право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5).....	8
<i>Содержание в психиатрическом стационаре без согласия (статья 5 § 1 (e))</i>	8
<i>Производство в отношении экстрадиции для проведения уголовного разбирательства в запрашивающем государстве (статья 5 § 1 (f))</i>	9
<i>Условное освобождение (статья 5 § 3)</i>	10
Процессуальные права в гражданском судопроизводстве	10
Право на справедливое судебное разбирательство (статья 6 § 1)	10
<i>Применимость</i>	10
<i>Доступ к суду</i>	11
<i>Справедливость разбирательства</i>	13
<i>Исполнение окончательного решения</i>	14
Право на эффективное средство правовой защиты (статья 13).....	15
Процессуальные права в уголовном судопроизводстве	15
Право на справедливое судебное разбирательство (статья 6).....	15
<i>Беспристрастный суд (статья 6 § 1)</i>	15
<i>Презумпция невиновности (статья 6 § 2)</i>	16
<i>Право на защиту (статья 6 § 3)</i>	17
Наказание исключительно на основании закона (статья 7)	19
Право на обжалование в уголовных делах (статья 2 Протокола № 7)	19
Гражданские и политические права.....	20
Право на уважение частной и семейной жизни (статья 8)	20
<i>Частная жизнь</i>	20
<i>Частная и семейная жизнь</i>	24
<i>Семейная жизнь</i>	24
Свобода мысли, совести и религии (статья 9)	26
Свобода выражения мнения (статья 10)	27
<i>Применимость</i>	27
<i>Свобода выражения мнения</i>	28
<i>Свобода распространять информацию</i>	30
<i>Свобода прессы</i>	31
<i>Свобода получать и распространять информацию</i>	32

Свобода собраний и ассоциаций (статья 11)	32
<i>Право на забастовку</i>	32
Запрет дискриминации (статья 14)	33
<i>Статья 14 в совокупности со статьей 3</i>	33
Защита собственности (Статья 1 Протокола № 1)	34
<i>Применимость</i>	34
<i>Пользование собственностью</i>	34
<i>Позитивные обязательства</i>	36
Другие положения Конвенции	36
Обязательная сила и исполнение судебных решений (статья 46)	36
<i>Исполнение судебных решений</i>	36

Юрисдикция и приемлемость

Юрисдикция государств (статья 1)

Дело *Chiragov and Others v. Armenia*² касается юрисдикции Армении в Нагорном Карабахе и на прилегающих оккупированных территориях, и, как следствие, ее ответственности по Конвенции в отношении предполагаемых нарушений, на которые жаловались азербайджанские курды, перемещенные с этих территорий.

Шесть заявителей были азербайджанскими курдами, которые не имели возможности вернуться в свои дома и к своему имуществу в Лачинском районе Азербайджана после бегства во время армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 1992 году.

Суд установил, что Армения осуществляет эффективный контроль над Нагорным Карабахом и семью соседними оккупированными территориями, и, таким образом, обладает юрисдикцией в Лачинском районе, откуда бежали заявители.

Это было первое дело, в котором Суд рассматривал вопрос, можно ли считать, что Армения осуществляет эффективный контроль над Нагорным Карабахом и оккупированными прилегающими районами.

Для того чтобы определить, осуществляет ли Армения такой «эффективный контроль», Суд применил свое прецедентное право в отношении осуществления экстерриториальной юрисдикции, в частности, Российской Федерацией в Приднестровье и Соединенным Королевством в Ираке (*Plascu and Others v. Moldova and Russia*³; *Catan and Others v. Moldova and Russia*⁴; и *Al-Skeini and Others v. the United Kingdom*⁵). Это прецедентное право предусматривает, что эффективный контроль в первую очередь зависит от военного вмешательства, но также и от других показателей (в том числе экономических и политических). Хотя Армения отрицала любое военное присутствие в соответствующих районах (как в 1992 году, так и после этого), Суд установил прямые и убедительные доказательства такого присутствия. Суд опирался, например, на предположение, что силы обороны, состоящие из жителей Нагорного Карабаха, не могли занять этот район и прилегающие территории без внешней поддержки. Суд также опирался на Соглашение о военном сотрудничестве между правительствами Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики 1994 года. Суд также принял во внимание другие доклады и заявления (в частности, заявления высших государственных должностных лиц Армении, которые противоречили официальным отрицаниям Правительства). Эти элементы позволили Суду признать, что Республика Армения, «через свое военное присутствие и предоставление военной техники и опыта, была в значительной степени вовлечена в нагорно-карабахский конфликт с самого начала», и, кроме того, что военная поддержка Армении имела «решающее значение для приобретения и продолжения контроля» над соответствующими территориями. Некоторые другие факторы поддержки Армении позволили Суду прийти к выводу, что Нагорно-Карабахская Республика и ее администрация могли существовать только благодаря военной, политической, финансовой и иной поддержке Армении. Таким образом, Армения осуществляет «эффективный контроль» и юрисдикцию над Нагорным Карабахом и семью прилегающими районами, оккупированными ей, что делает ее ответственной за предполагаемые нарушения прав заявителей как перемещенных лиц.

***

Дело *Sargsyan v. Azerbaijan*⁶ касалось осуществления Азербайджаном юрисдикции в деревне неподалеку от Нагорного Карабаха, находящейся на территории Азербайджана, но являющейся спорной территорией, и, как следствие, его ответственности по Конвенции в отношении предполагаемых нарушений прав армян, перемещенными с этой территории.

Заявитель был этническим армянином, который бежал из своей деревни Гулистан во время

² *Chiragov and Others v. Armenia* [GC], no. 13216/05, ECHR 2015. См. также решение от того же дня *Sargsyan v. Azerbaijan* [GC], no. 40167/06, ECHR 2015, упомянутое ниже.

³ *Plascu and Others v. Moldova and Russia* [GC], no. 48787/99, ECHR 2004-VII.

⁴ *Catan and Others v. Republic of Moldova and Russia* [GC], nos. 43370/04, 8252/05 and 18454/06, ECHR 2012.

⁵ *Al-Skeini and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 55721/07, ECHR 2011.

⁶ *Sargsyan*, сноска 2.

армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 1992 году.

Суд установил, что обжалуемые факты подпадают под юрисдикцию Азербайджана.

Расположение имущества заявителя привело к возникновению уникального вопроса о юрисдикции. Деревня заявителя находилась не в Нагорном Карабахе, а на северном берегу реки, образующей границу с Нагорным Карабахом, на азербайджанской стороне. Деревня находилась на линии столкновения между Азербайджаном и силами Нагорно-Карабахской Республики и оставалась спорной территорией.

Поэтому это дело не касалось юрисдикции и ответственности государства, когда государство осуществляет эффективный контроль экстерриториально (как Турция в Северном Кипре или Российская Федерация в Приднестровье). Дело также не касалось юрисдикции государства над частью своей территории, которая находится под эффективным контролем другого государства (ответственность Молдавии в Приднестровье). Скорее, это дело касалось юрисдикции государства над своей территорией, являющейся «спорной» и «ставшей недоступной» в результате конфликта. Суд постановил, что это дело в некотором отношении похоже на дело [Assanidze v. Georgia](#)⁷, которое касалось юрисдикции Грузии в Аджарской Автономной Республике. Поскольку Азербайджан является территориальным государством, было установлено, что он имеет юрисдикцию, и нет никаких исключительных обстоятельств (например, осуществление эффективного контроля со стороны другого государства), которые могли бы опровергнуть этот вывод. Поэтому Суд признал, что обжалуемые факты подпадают под юрисдикцию Азербайджана. Суд признал трудности, с которыми неизбежно столкнется Азербайджан на практическом уровне при осуществлении власти на этой спорной территории: однако эти вопросы должны рассматриваться в обстоятельствах каждой конкретной жалобы.

Следовательно, это был первый раз, когда Суд должен был вынести решение по существу жалоб по Конвенции против государства, которое имеет юрисдикцию с правовой точки зрения, но на практике сталкивается с проблемами, связанными с контролем над частью своей территории, являющейся «спорной».

Основные права

Право на жизнь (статья 2)

Обязательство защищать жизнь

Дело [Lambert and Others v. France](#)⁸ касалось решения лечащего врача, после проведения консультаций, прекратить предоставление жизнеобеспечивающего ухода пациенту, который предварительно не оставил четких инструкций.

В 2008 году Винсент Ламберт стал жертвой дорожно-транспортного происшествия. По заключению медицинских экспертов, он находился в вегетативном состоянии. Он получал жизнеобеспечивающее питание и гидратацию. После консультаций, предусмотренных соответствующим законодательством, 11 января 2014 года лечащий врач во второй раз решил прекратить питание и гидратацию. Хотя административный суд приостановил выполнение решения врача, 24 июня 2014 года Государственный совет признал это решение законным.

Заявителями были родители Винсента Ламберта, его сводный брат и сестра. Многочисленные третьи лица, включая жену Винсента Ламберта и двух других членов семьи, поддержали решение лечащего врача. Основная жалоба заявителей состояла в том, что прекращение питания и гидратации являлось нарушением статьи 2. Суд пришел к выводу, что если бы решение Государственного совета было выполнено, нарушения Конвенции не было бы.

Следует отметить два фактора.

Во-первых, Суд установил, что заявители не могли подавать жалобу *от имени и по поручению Винсента Ламберта*. При этом Суд применил принципы, установленные в его прецедентном праве, в новом контексте. Суд счел, что ни одно из рассмотренных ранее дел, в которых Суд

⁷ *Assanidze v. Georgia* [GC], no. 71503/01, ECHR 2004-II.

⁸ *Lambert and Others v. France* [GC], no. 46043/14, ECHR 2015 (выдержки).

признал, что заявитель может действовать от имени другого лица, несравнимо с данным делом (особенно отметив решения [Nencheva and Others v. Bulgaria](#)⁹ и [Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania](#)¹⁰). Винсент Ламберт не умер, хотя он находился в уязвимом положении; он не дал официальных указаний в отношении предложенной отмены жизнеобеспечивающего ухода; и несколько членов его семьи имели разные мнения по этому поводу – некоторые из них подали жалобу в Суд от его имени, оспаривая предложенную отмену жизнеобеспечивающего ухода. Суд пояснил, что, прежде чем такие жалобы могут быть приняты, должны быть решены два основных вопроса. Во-первых, существовал ли риск того, что в противном случае прямая жертва будет лишена эффективной защиты своих прав? В данном деле такого риска не было, так как заявители могли поднимать вопросы в связи с правом на жизнь Винсента Ламберта от своего собственного имени. Во-вторых, существовал ли конфликт интересов между пациентом и заявителями? Государственный совет установил, что решение врача, оспариваемое заявителями, не может рассматриваться как несоответствующее желаниям Винсента Ламберта: поэтому Суд пришел к выводу, что не было установлено существование «совпадения интересов» между утверждениями заявителей и желаниями Винсента Ламберта.

Во-вторых, хотя заявление касалось отмены жизнеобеспечивающего ухода, важно отметить, что жалобы заявителей, поданные *от собственного имени* в соответствии со статьей 2, были крайне узкими. В частности, заявители не предполагали, что это был случай самоубийства с чужой помощью или эвтаназии, и, более того, они не оспаривали, как таковую, возможность отмены жизнеобеспечивающего ухода, которая была признана нецелесообразной.

Заявители скорее утверждали, что соответствующий Закон является недостаточно ясным и точным, и поставили под вопрос процедуру, в результате которой было принято решение врача (требуется консультация, но окончательное решение принимается лечащим врачом).

Суд рассмотрел эти вопросы с точки зрения позитивного обязательства государства защищать жизнь в свете права человека на уважение его частной жизни и его составной части – личной автономии ([Pretty v. the United Kingdom](#)¹¹). Кроме того были приняты во внимание следующие факторы: наличие в национальном законодательстве нормативно-правовой базы, соответствующей требованиям статьи 2; то, в какой степени учитывались пожелания пациента, его семьи и медицинского персонала; и возможность обращения в суд для принятия решения в интересах пациента. Суд пришел к выводу, что, вопреки утверждениям заявителей, закон (включающий понятие «необоснованное упорство») был достаточно ясным и точным. Суд также признал законодательную базу (которая «является достаточно ясной» и «обеспечивает защиту жизни пациентов») и следующий из нее консультативный процесс (названный «тщательным») совместимыми со статьей 2. При этом Суд подчеркнул высокое качество и масштабность консультативного процесса и рассмотрения Государственным советом.

Эффективное расследование

Дело [Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey](#)¹² касалось смерти сына заявителей во время воинской службы. Он был назначен на объект, принадлежащий частной нефтяной компании, которой национальная жандармерия оказывала услуги безопасности. Расследование смерти юноши проводилось в два этапа: расследование военной прокуратурой и рассмотрение военным судом. Прокуратура постановила, что нет никаких оснований для возбуждения уголовного дела, заявители обжаловали это решение, и военный суд распорядился провести дополнительное расследование, в результате которого прокуратура пришла к заключению, что смерть была случайной. Военный суд отклонил жалобу заявителей. В ходе разбирательства по Конвенции, заявители жаловались, что власти не провели эффективное расследование по факту смерти их сына.

⁹ [Nencheva and Others v. Bulgaria](#), no. 48609/06, 18 June 2013.

¹⁰ [Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania](#) [GC], no. 47848/08, ECHR 2014.

¹¹ [Pretty v. the United Kingdom](#), no. 2346/02, ECHR 2002-III.

¹² [Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey](#) [GC], no. 24014/05, 14 April 2015.

В своем решении Большая Палата постановила, что процессуальный аспект статьи 2 Конвенции не был нарушен, расследование было достаточно тщательным и независимым, и заявители участвовали в нем в степени, достаточной для защиты своих интересов и осуществления своих прав.

Хотя решение всего лишь подтверждает и должным образом следует прецедентному праву Суда в отношении процедурных требований статьи 2, оно, тем не менее, является важным, потому что в нем разъясняется разница между требованием провести независимое расследование в соответствии со статьей 2 и требованием о рассмотрении независимым судом в соответствии со статьей 6 (которое было неприменимо в деле заявителей). Большая Палата отметила, что, хотя требования справедливого судебного разбирательства могут повлечь за собой рассмотрение процедурных вопросов в соответствии со статьей 2, предусмотренные гарантии не обязательно должны оцениваться таким же образом.

Статья 6 предусматривает, что суд, рассматривающий дело по существу, должен быть независимым от законодательной и исполнительной власти, а также от сторон. Соблюдение этого требования оценивается, в частности, на основании установленных критериев, таких как порядок назначения членов трибунала и продолжительность срока их полномочий, или существование достаточных гарантий против риска внешнего давления. Тем не менее, статья 2 требует конкретного изучения вопроса о независимости расследования в целом, а не абстрактной оценки. Статья 2 не требует, чтобы лица и органы, ответственные за расследование, пользовались абсолютной независимостью, но чтобы они были достаточно независимы от лиц и структур, которые, вероятно, несут ответственность в рассматриваемом деле. Оценка степени независимости должна производиться в свете всех обстоятельств каждого конкретного дела. При оценке независимости и беспристрастности расследования, правильным подходом будет изучение вопроса, в какой степени спорное обстоятельство поставило под угрозу эффективность расследования и его способность пролить свет на обстоятельства гибели и привести к наказанию виновных. Суд указал, что соблюдение процессуальных требований статьи 2 должно оцениваться на основании нескольких ключевых параметров, таких как адекватность следственных мероприятий, оперативность расследования, участие в расследовании семьи умершего и независимость расследования. Эти элементы взаимосвязаны, и каждый из них, взятый по отдельности, не является самоцелью, в отличие от позиции по отношению к требованию независимости статьи 6. Эти критерии, взятые в совокупности, позволяют оценить степень эффективности расследования.

Запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания (статья 3)

Запрет пыток

Дело [*Cestaro v. Italy*](#)¹³ касалось отсутствия адекватной правовой базы для обеспечения привлечения сотрудников сил безопасности к ответственности за применение пыток и других видов жестокого обращения.

Заявитель, вместе со многими другими лицами, получил очень тяжкие телесные повреждения в ходе проведения полицейской операции в школе, где он проводил ночь после своего участия в демонстрациях протеста во время саммита G8 в Генуе в июле 2001 года. Во время саммита произошли чрезвычайно жестокие столкновения между полицией и демонстрантами, и был нанесен серьезный ущерб имуществу. В ходе уголовного разбирательства в отношении сотрудников полиции и должностных лиц в связи с инцидентом в школе, один из судов, который рассматривал это дело, назвал поведение полиции жестоким и садистским. Однако ни один полицейский не был осужден за причинение тяжких телесных повреждений, потому что, пока длилось апелляционное производство, срок давности соответствующих обвинений истек. Единственные обвинительные приговоры были связаны, в частности, с попытками скрыть правду о том, что случилось в школе, а также незаконным арестом людей, которые находились там. Осужденные получили относительно

¹³ *Cestaro v. Italy*, no. 6884/11, 7 April 2015.

легкие наказания.

В ходе разбирательства по работе Конвенции, заявитель утверждал, что государство-ответчик нарушило основной и процессуальный аспекты статьи 3 Конвенции.

Это дело интересно тем, что Суд квалифицировал нападение на заявителя как пытки, тем самым подтвердив, что это понятие может применяться к поведению государственных служащих вне контекста допроса под стражей (см. также [Vladimir Romanov v. Russia](#)¹⁴ и [Dedovskiy and Others v. Russia](#)¹⁵). При вынесении своего решения, Суд подчеркнул, в частности, следующие факторы:

- Лиц, находившихся в школе, избивали без разбора и систематически; в ходе этих ужасных событий заявитель получил очень тяжкие телесные повреждения;
- Все указывает на то, что операция и последовавший штурм были умышленной и преднамеренной реакцией на нападения, которым полиция подвергалась со стороны демонстрантов во время саммита, и, таким образом, были мотивированы мстью;
- Лица, находившиеся в школе, не оказали никакого сопротивления, когда прибыла полиция;
- Национальные суды резко осудили поведение полиции, а также их попытки переложить ответственность за насилие в школе на заявителя и других лиц, которые там находились.

Далее Суд также признал процессуальное нарушение статьи 3. Хотя органы прокуратуры и суды нельзя обвинить в том, что разбирательство в отношении нанесения заявителю телесных повреждений было, в конечном счете, прекращено на стадии апелляционного разбирательства по причине истечения срока давности, реальная проблема заключается в том, что национальное законодательство позволило само возникновение такой ситуации. В первую очередь, акты пыток не выделены в отдельный вид преступления. Во-вторых, преступления против личности, связанные с менее серьезными видами жестокого обращения, имеют срок давности. По мнению Суда, в национальной правовой системе имела структурная проблема, которая позволила представителям государства избежать наказания за поведение, запрещенное статьей 3. Следует отметить, что Суд далее рассмотрел эту проблему конкретно в свете статьи 46 Конвенции, рекомендовав государству-ответчику обеспечить, чтобы национальное законодательство позволяло наказывать лиц, виновных в пытках или иных видах жестокого обращения.

*Бесчеловечное и унижающее достоинство обращение*¹⁶

Дело [Zayev v. Russia](#)¹⁷ касалось важности наличия гарантий против жестокого обращения с момента заключения лица под стражу полиции.

Заявитель был арестован сотрудниками милиции в полночь по подозрению в краже, и доставлен в отделение милиции. Тем не менее, его имя не было внесено в официальный реестр задержанных. Он утверждал, что сотрудники милиции избили его и подвергли обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции. Его арест был официально признан только на следующий день, в 10 часов утра, когда его содержание под стражей было зарегистрировано в соответствии с законом.

Аргументация Суда в отношении основного аспекта статьи 3 особо поучительна. Суд отметил, что, согласно имеющимся документам, в течение десяти часов до ареста был проведен ряд следственных мероприятий, таких как опознание заявителя потерпевшим и допрос заявителя в связи с преступлением, во время которых он не мог воспользоваться какими-либо правами в качестве подозреваемого, правом на адвоката и правом на медицинское обследование. Тем не менее, именно в этот период имело место заявленное жестокое обращение. Суд отметил, что эта ситуация повысила уязвимость заявителя, таким образом, делая жестокое обращение с ним более вероятным. Постановив, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство

¹⁴ [Vladimir Romanov v. Russia](#) no. 41461/02, 24 July 2008.

¹⁵ [Dedovskiy and Others v. Russia](#), no. 7178/03, ECHR 2008 (выдержки).

¹⁶ [Identoba and Others v. Georgia](#), no. 73235/12, 12 May 2015.

¹⁷ [Zayev v. Russia](#), no. 36552/05, 16 April 2015.

обращению, Суд счел важным отметить, что обжалуемое жестокое обращение стало возможным благодаря уязвимости заявителя, который, находясь под стражей в милиции, в течение нескольких часов был лишен процессуальных гарантий, на которые обычно имеет право лицо, находящееся в подобной ситуации. Суд также подтвердил необходимость безотлагательного внесения всей информации, касающейся ареста лица, в соответствующие реестры (см. [Timurtaş v. Turkey](#)¹⁸).

Эмоциональные страдания близких родственников

Дело [Elberte v. Latvia](#)¹⁹ касалось изъятия тканей из организма умершего мужа заявительницы без ее ведома и согласия и, как следствие, ее эмоциональных страданий.

Муж заявительницы погиб в автомобильной аварии. Неизвестные заявителю ткани были, в соответствии с утвержденным государством соглашением, изъяты из тела ее мужа во время вскрытия, и отправлены в германскую фармацевтическую компанию для создания биоимплантатов. Впоследствии конечный продукт был отправлен обратно в Латвию для использования в трансплантационной хирургии. Заявитель узнала об этом только через два года после смерти мужа, когда в Латвии было начато уголовное расследование в связи с утверждениями о широкомасштабном незаконном изъятии органов и тканей из трупов. В данном деле, судебное преследование даже не было начато, так как срок давности преступления истек.

В ходе разбирательства по Конвенции, заявитель жаловалась, среди прочего, что ткани были взяты из тела ее мертвого мужа без ее согласия или уведомления, в нарушение ее права на уважение частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции, и что обстоятельства дела привели к нарушению статьи 3 в ее отношении. Заявитель подчеркнула тот факт, что после начала вышеупомянутого общего уголовного расследования, она оставалась в неведении относительно обстоятельств изъятия тканей у ее мужа. Она обратила внимание на то, что после завершения вскрытия тело мужа было возвращено ей со связанными ногами.

Суд установил нарушение статьи 8 в связи с отсутствием ясности в соответствующем национальном законодательстве в отношении требования согласия, и отсутствием правовых гарантий против произвола. Хотя национальное законодательство предусматривает, что родственники умершего, в том числе супруги, имеют право высказывать свои пожелания по поводу изъятия тканей, то, как это право должно осуществляться, и объем обязательства получить согласие остаются неопределенными и являются предметом разногласий даже среди самих национальных властей.

Это решение особенно интересно выводом Суда о нарушении статьи 3 Конвенции в отношении заявителя. Суд, не колеблясь, признал нарушение статьи 3 Конвенции в делах, связанных с «исчезновениями» членов семей заявителей или с внесудебными убийствами, при которых трупы жертв были изуродованы (см. [Khadzhiyev and Others v. Russia](#)²⁰). Обстоятельства дела заявителя отличаются. Суд, тем не менее, установил нарушение статьи 3 в отношении заявителя. Он отметил, среди прочего, что:

(i) заявитель получила сведения о характере и количестве тканей, изъятых из тела ее покойного мужа, только после представления замечаний Правительством;

(ii) после начала общего уголовного расследования, заявитель в течение продолжительного периода времени находилась в состоянии беспокойства в связи с тем, что ноги ее мужа были связаны, когда тело вернули ей для погребения;

(iii) отсутствие ясности в нормативно-правовой базе в отношении требования согласия могло только усилить страдания заявителя, принимая во внимание интрузивный характер действий, проделанных с телом ее покойного мужа, и неспособность самих властей, в ходе уголовного расследования, прийти к согласию, соответствовало ли закону изъятие тканей и органов у трупов; и

¹⁸ *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 105, ECHR 2000-VI.

¹⁹ *Elberte v. Latvia*, no. 61243/08, ECHR 2015.

²⁰ *Khadzhiyev and Others v. Russia*, no. 3013/04, §§ 120-22, 6 November 2008.

(iv) в данном деле, судебное преследование не было возбуждено по причине истечения срока давности и из-за неопределенности в отношении того, могут ли действия властей считаться незаконными с точки зрения требований национального законодательства, действовавшего в то время, тем самым лишив заявителя возмещения за нарушение ее личных прав, связанных с очень чувствительным аспектом ее частной жизни, а именно ее согласием или несогласием на изъятие тканей из тела ее мертвого мужа.

Показательно, что в своих рассуждениях Суд подчеркнул актуальность принципа уважения человеческого достоинства в обстоятельствах дела заявителя, принципа, который представляет собой часть самой сути Конвенции. Суд отметил, в этой связи, что в специфической сфере трансплантации органов и тканей было признано, что к человеческому организму следует относиться с уважением, даже после смерти. Суд отметил, что международные договоры, в том числе Конвенция о правах человека и биомедицине и Дополнительный протокол к ней, были разработаны для того, чтобы гарантировать права доноров органов и тканей, живых или умерших. Целью этих договоров является защита достоинства, самобытности и целостности «каждого», кто был рожден, независимо от того, жив он или мертв.

По мнению Суда, в конкретных обстоятельствах данного дела, эмоциональные страдания, перенесенные заявителем, представляли собой унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3.

Вооруженные силы

Дело [Lyalyakin v. Russia](#)²¹ касалось обращения в армии с 19-летним солдатом, который, после того, как его поймали при попытке к бегству, получил выговор на плацу, будучи одетым только в форменные трусы.

Суд рассмотрел вопрос, можно ли считать, что обращение, выражающееся в том, что заявитель был вынужден раздеться и стоять перед своим подразделением в одних форменных трусах, достигло порога жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Суд подчеркнул, что государство обязано обеспечить, чтобы солдаты несли воинскую службу в условиях, совместимых с уважением к их человеческому достоинству ([Chember v. Russia](#)²²). Признавая необходимость поддержания дисциплины в военном подразделении, Суд отметил, что государство-ответчик не объяснило, почему раздевание заявителя во время построения батальона было необходимо для предотвращения его побега или побега других солдат.

Заявитель был унижен в результате такого обращения, причем его молодой возраст следует рассматривать в качествеотягающего обстоятельства. Таким образом, необходимый порог тяжести был достигнут. Следовательно, Суд установил, что заявитель подвергся унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3.

Запрет рабства и принудительного труда (статья 4)

Принудительный или обязательный труд

Дело [Chitos v. Greece](#)²³ касалось обязательства армейского офицера выплатить государству значительную сумму денег, чтобы уйти в отставку до окончания периода контрактной службы.

Поступив в офицерскую школу, заявитель изучал медицину (по специальности анестезиология) в университете, получая заработную плату от армии, а также соответствующие социальные пособия. В свою очередь, заявитель должен был, в соответствии с греческим законодательством, отслужить в армии в течение установленного периода.

Заявителю было 37 лет, когда он решил уйти в отставку. Ему сообщили, что он должен отслужить в армии еще девять лет или выплатить 106 960 евро (EUR) к государству в качестве компенсации. Он обжаловал платежное требование в суде аудиторов, который приостановил исполнение платежного требования до принятия им решения. Тем не менее, налоговый орган потребовал

²¹ [Lyalyakin v. Russia](#), no. 31305/09, 12 March 2015.

²² [Chember v. Russia](#), no. 7188/03, ECHR 2008, см. Доклад за 2008 год.

немедленно выплатить сумму, которая была увеличена до 112 115 евро, включая начисленные проценты. Суд аудиторов впоследствии установил, что требование обязательной воинской службы в течение семнадцати лет было законным, но сократил сумму к уплате до 49 978 евро. Разница между последней суммой и выплаченной суммой была возвращена заявителю.

Заявитель жаловался, что обязательство служить в армии в течение очень долгого периода времени или выплатить государству чрезмерно большую сумму нарушило запрет принудительного труда, предусмотренный статьей 4 § 2.

В первую очередь, Суд рассмотрел ограничение в соответствии со статьей 4 § 3, исключаящее из сферы применения термина «принудительный труд» любую службу военного характера. Было установлено, что это ограничение касается срочной военной службы и неприменимо к кадровым военнослужащим: придя к такому выводу, Суд отошел от широкого толкования Комиссии в деле 1968 года *W., X., Y. and Z. v. the United Kingdom*²⁴. В поддержку этой интерпретации, Суд упомянул Конвенцию Международной организации труда № 29, а также общее мнение Европейского Комитета по социальным правам в контексте Европейской Социальной Хартии и Комитета министров (см. Рекомендацию CM/Rec (2010)4 государствам-членам в области прав человека военнослужащих). Это было первое дело, в котором Суд рассматривал подобные вопросы.

Далее Суд признал, что государство может требовать от офицеров, прошедших обучение, обязательной воинской службы в течение определенного периода, а также выплаты компенсации в случае досрочного выхода в отставку, для того, чтобы компенсировать издержки, связанные с их образованием. Тем не менее, должен быть соблюден баланс между различными интересами сторон. Хотя сумма, которую был обязан выплатить заявитель, не была неразумной (она была меньше, чем сумма, вложенная в его образование государством), требование налоговых органов безотлагательно выплатить сумму, увеличившуюся на 12 или 13% годовых, несмотря на судебные решения об отсрочке выплаты, возложило на заявителя несоразмерное бремя и заставило его действовать под принуждением, в нарушение статьи 4 § 2.

Право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5)

Содержание в психиатрическом стационаре без согласия (статья 5 § 1 (e))

Дело *M.S. v. Croatia (no. 2)*²⁵ касалось отсутствия эффективного правового представительства в разбирательстве, связанном с недобровольным помещением заявителя в психиатрическую больницу.

В судебном разбирательстве, касающемся продления лишения заявителя свободы, суд назначил бесплатного адвоката для представления ее интересов. Тем не менее, в ходе разбирательства адвокат не встречался с заявителем для того, чтобы выслушать ее аргументы относительно недобровольного лишения свободы. Ни на одном из этапов разбирательства она не получала советов о порядке и оптимальном направлении своих действий. Хотя адвокат присутствовал в суде, он не представил никаких аргументов от имени заявителя. Хотя суду было известно о пассивности адвоката, он, не заслушав заявителя, принял решение о продолжении лишения ее свободы.

Заявитель утверждала, среди прочего, что она была помещена в больницу незаконно и необоснованно, и что судебное решение о лишении ее свободы не сопровождалось адекватными процессуальными гарантиями.

Суд установил нарушение статьи 5 § 1 Конвенции. Значительный интерес представляют рассуждения Суда в отношении качества юридического представительства лица, которому грозит недобровольное лишение свободы по причинам, связанным с психическим здоровьем. Суд подчеркнул, что само по себе назначение адвоката, без активных действий этого адвоката для

²³ *Chitos v. Greece*, no. 51637/12, ECHR 2015.

²⁴ *W., X., Y. and Z. v. the United Kingdom*, nos. 3435/67, 3436/67, 3437/67 and 3438/67, Commission decision of 19 July 1968, Collection of Decisions 28.

²⁵ *M.S. v. Croatia (no. 2)*, no. 75450/12, 19 February 2015.

оказания реальной правовой помощи в разбирательстве, не удовлетворяет требованию необходимой «правовой помощи» в соответствии со статьей 5 § 1 (е) в отношении лиц, заключенных под стражу в качестве «душевнобольных». Суд постановил, что «эффективное правовое представительство лиц с ограниченными возможностями влечет за собой повышенные обязательства в отношении контроля над их законными представителями со стороны компетентных национальных судов».

Хотя местные власти были хорошо осведомлены о профессиональном несоответствии адвоката, они не реагировали на жалобы заявителя и не приняли необходимые меры для решения этого вопроса. Заявитель, следовательно, была лишена эффективной правовой помощи в разбирательстве, касающемся ее недобровольного помещения в больницу. Упомянутые выше факты, в сочетании с отстранением заявителя от слушаний, составили нарушение процессуальных требований статьи 5 § 1 (е).

***

В деле [Constancia v. the Netherlands](#)²⁶ заявитель был заключен под стражу как «душевнобольное» лицо в отсутствие точного диагноза его психического состояния. Он был признан виновным в насильственном убийстве. В ходе уголовного разбирательства он отказался пройти экспертизу его психического состояния, так что поставить диагноз было невозможно. Суд первой инстанции, тем не менее, признал наличие у заявителя серьезного психического расстройства и назначил ему наказание в виде тюремного заключения с последующим содержанием под стражей в качестве «душевнобольного».

В этом решении о приемлемости, Суд отметил, что суд первой инстанции должен был обратиться к многочисленным существующим заключениям психиатров и психологов, а также заключению, основанному на материалах уголовного дела и аудио- и видеозаписях допросов. Хотя психиатры и психологи не смогли поставить точный диагноз, они выразили мнение, что у заявителя имеется серьезное психическое расстройство. Этот вывод подтвердил суд первой инстанции, проведя собственное расследование дела. Поскольку заявитель категорически отказался пройти экспертизу своего психического состояния в соответствующее время, суд был вправе принять решение, на основании имеющейся информации, что заявитель страдает психическим расстройством, которое, независимо от его точной природы, может быть достаточно серьезным, чтобы оправдывать принудительное лишение свободы. Требования статьи 5 § 1 (е), таким образом, были удовлетворены.

***

Решение [Varbanov v. Bulgaria](#)²⁷ гласит, что «если не существует никакой другой возможности, например, из-за отказа заинтересованного лица пройти обследование, должна быть проведена, как минимум, оценка его состояния медицинским экспертом на основании материалов дела; в противном случае нельзя утверждать, что было показано, что лицо является душевнобольным».

Это было первое дело, в котором Палата Суда признала, что медицинское обследование психического состояния заявителя может быть заменено оценкой на основании другой существующей информации.

Производство в отношении экстрадиции для проведения уголовного разбирательства в запрашивающем государстве (статья 5 § 1 (f))

В своем решении по делу [Gallardo Sanchez v. Italy](#)²⁸, Суд указал, что дела, связанные с запросом об экстрадиции лица для проведения уголовного разбирательства в запрашивающем государстве, требуют особого внимания. Заявитель жаловался, что он оставался под стражей в течение примерно одного года и шести месяцев в ожидании экстрадиции в Грецию, где он был объявлен в розыск по обвинению в поджоге. Суд установил нарушение статьи 5 § 1. Его

²⁶ *Constancia v. the Netherlands* (dec.), no. 73560/12, 3 March 2015.

²⁷ *Varbanov v. Bulgaria*, no. 31365/96, ECHR 2000-X.

²⁸ *Gallardo Sanchez v. Italy*, no. 11620/07, ECHR 2015.

аргументация в этом отношении представляет интерес, поскольку она является развитием прецедентного права в отношении подпункта (f) этого положения.

Суд отметил, что запрос об экстрадиции, поданный Грецией в соответствии с Конвенцией Совета Европы об экстрадиции (с поправками), не был направлен на лицо, которое было приговорено греческим судом, и возвращение которого требовалось для исполнения приговора. Напротив, греческие власти просили об экстрадиции заявителя, чтобы он предстал перед судом в связи с разбирательством против него, ведущимся в Греции.

При оценке разумности срока, проведенного под стражей в ожидании экстрадиции, Суд провел различие между этими двумя ситуациями с точки зрения степени усердия, продемонстрированного государством при составлении запроса об экстрадиции. По мнению Суда, требующее экстрадиции государство обязано было действовать с большим усердием, чтобы обеспечить право на защиту лица, в отношении которого велось уголовное разбирательство в запрашивающем государстве.

В обстоятельствах данного дела, и учитывая причины для подачи Грецией запроса об экстрадиции и задержек в выполнении этой просьбы, в которых были виноваты итальянские власти, Суд пришел к выводу, что была нарушена статья 5 § 1 Конвенции.

Условное освобождение (статья 5 § 3)

В деле *Magee and Others v. the United Kingdom*²⁹ был поднят вопрос, обязан ли судья, упомянутый в статье 5 § 3, рассматривать вопрос об условном освобождении на ранних стадиях содержания под стражей.

Заявители были арестованы по подозрению в причастности к убийству сотрудника полиции. Через сорок восемь часов они предстали перед судом графства Северной Ирландии, который рассмотрел законность их содержания под стражей и вопрос о его продлении еще на пять дней (для дальнейшего допроса и проведения судебно-медицинской экспертизы). Позднее, их досудебное заключение под стражу было продлено, но, в конечном счете, через двенадцать дней заявители были освобождены без предъявления обвинений. Согласно статье 8 Закона о борьбе с терроризмом 2000 года, заключенный может содержаться под стражей до двадцати восьми дней без предъявления обвинений. Законность содержания под стражей должна быть рассмотрена компетентным судьей в течение сорока восьми часов, а затем пересматриваться каждые семь дней. Хотя судья имеет право освободить задержанного, если арест или содержание под стражей были признаны незаконными, он не имеет полномочий освободить его условно.

Это дело интересно тем, что оно содержит углубленный обзор прецедентного права Европейского Суда в отношении обоих аспектов статьи 5 § 3 – как начального этапа сразу после ареста (первый аспект), так и второго периода в ожидании суда (второй аспект).

Кроме того, в отношении первого аспекта Суд подчеркнул, что статья 5 § 3 требует, чтобы задержанный был незамедлительно и автоматически доставлен к судье или к другому должностному лицу, имеющему полномочия рассматривать законность ареста и содержания под стражей. Этот суд или должностное лицо должны рассмотреть вопрос, имеются ли обоснованные подозрения, что обвиняемый совершил уголовное преступление, и, если задержание было неправомерным, принять решение о его освобождении. Суд установил, что судья суда графства имел такие полномочия. Однако, что более интересно, Суд пояснил, что ничто в его предыдущем прецедентном праве (включая часто цитируемую выдержку из решения *Schiesser v. Switzerland*³⁰) не позволяет предположить, что это первоначальное рассмотрение (первый аспект) должно было также включать рассмотрение возможности условного освобождения. Хотя законность содержания заявителей под стражей и существование разумного подозрения против них были рассмотрены двумя судьями суда графства в течение двенадцати дней после первоначального задержания, заявители не предстали перед судьей, который имел полномочия рассмотреть законность задержания или

²⁹ *Magee and Others v. the United Kingdom*, nos. 26289/12, 29062/12 and 29891/12, ECHR 2015.

³⁰ *Schiesser v. Switzerland*, 4 December 1979, § 31, Series A no. 34.

распорядиться об их условном освобождении до суда. Тем не менее, Суд признал, что в течение этих двенадцати дней обвиняемые по-прежнему находились на «начальной стадии» лишения свободы (первый аспект), так что рассмотрение вопроса об условном освобождении в соответствии со статьей 5 § 3 не требовалось.

Процессуальные права в гражданском судопроизводстве

Право на справедливое судебное разбирательство (статья 6 § 1)

Применимость

Дело [Bochan v. Ukraine \(no. 2\)](#)³¹ касалось возобновления прерванного гражданского судопроизводства после того, как Суд признал, в своем решении от 3 мая 2007 года³², что решения национальных судов были приняты в ходе разбирательства, в котором не были соблюдены гарантии справедливого судебного разбирательства в соответствии со статьей 6 § 1. Ссылаясь на решение Суда, заявитель подала исключительную апелляцию в Верховный Суд Украины, оспаривая эти решения. Тем не менее, Верховный Суд отклонил ее жалобу, признав, что решения национальных судов были справедливыми и обоснованными.

Это решение интересно тем, что в нем Суд впервые обратился к вопросу, препятствовала ли статья 46 Конвенции рассмотрению жалоб заявителя. Эти жалобы, касавшиеся ненадлежащего исполнения решения Суда от 3 мая 2007 года, были объявлены несовместимыми *ratione materiae*, как посягающие на прерогативы Украины и Комитета Министров в соответствии со статьей 46. Однако жалоба в отношении проведения и справедливости исключительного апелляционного разбирательства содержала соответствующую новую информацию в отношении вопросов, не рассмотренных в первоначальном решении, и, следовательно, подпадала в сферу юрисдикции Суда.

Большая Палата подтвердила и разъяснила свое прецедентное право в отношении того, что, хотя статья 6 § 1 обычно не распространяется на чрезвычайные апелляции, характер, объем и особенности обжалуемой процедуры могут ввести ее в сферу действия этого положения. В частности, это касается исключительных апелляционных разбирательств в Украине. Суд повторил, что государства-члены сами должны решать, как лучше всего исполнять решения своих национальных судов, и что в государствах-членах не существует единого подхода в отношении возможности добиваться возобновления прерванного гражданского судопроизводства после признания нарушения Судом, или в отношении реализации существующих механизмов возобновления. Это решение примечательно тем, что в нем Суд подчеркнул, что наилучшим способом добиться восстановления первоначального положения заявителя было бы существование процедур, позволяющих добиться пересмотра дела в случае, если было установлено нарушение статьи 6.

Наконец, в отношении справедливости исключительного апелляционного разбирательства, Большая Палата отметила, что Верховный Суд Украины неправильно интерпретировал выводы, изложенные в решении Суда от 3 мая 2007 года. Соответственно, рассуждения Верховного Суда были «в высшей степени произвольными» и повлекли за собой «отказ в правосудии», в нарушение статьи 6 § 1. Таким образом, решение по делу *Bochan (no. 2)* является примером дела, когда Суд должен был, в качестве исключения, вмешаться и пересмотреть решение национального суда в соответствии со статьей 6 § 1.

Доступ к суду

В деле [Momčilović v. Croatia](#)³³, доступ к гражданским судам был поставлен в зависимость от предварительной попытки урегулировать спор. Заявители жаловались на то, что национальные суды отказались рассматривать по существу их иск о компенсации против государства в связи со

³¹ *Bochan v. Ukraine (no. 2)* [GC], no. 22251/08, ECHR 2015.

³² *Bochan v. Ukraine*, no. 7577/02, 3 May 2007.

³³ *Momčilović v. Croatia*, no. 11239/11, 26 March 2015.

смертью их дочери, потому что они не попытались мирно урегулировать спор с соответствующими органами до подачи иска. В соответствии с требованиями Закона о гражданском судопроизводстве, если истец намерен подать гражданский иск против Республики Хорватия, он сначала должен запросить разрешение компетентной государственной прокуратуры.

В ходе разбирательства по Конвенции, заявители утверждали, что условие, наложенное Законом о гражданском судопроизводстве, являлось несоразмерным ограничением их права на доступ к суду, в нарушение статьи 6. Суд принял решение не в пользу заявителей. Было установлено, что ограничение было предусмотрено законом (Закон о гражданском судопроизводстве) и преследовало законную цель избежать нецелесообразного роста числа претензий и разбирательств против государства в национальных судах, тем самым способствуя интересам судебной экономии и эффективности. Что касается требования соразмерности, Суд отметил, что, несмотря на отказ национальных судов рассмотреть гражданский иск заявителей, они по-прежнему могли выполнить требование мирного урегулирования и, в случае недостижения урегулирования, подать новый иск в национальный суд в срок, предусмотренный национальным законодательством. Заявители не воспользовались этой возможностью.

Это дело интересно тем, что Суд признал, что требование национального законодательства в отношении попытки мирного урегулирования гражданского спора перед подачей иска, само по себе не является несовместимым с предусмотренной статьей 6 гарантией доступа к суду или трибуналу. Интересно отметить, что решение ссылается на заявления Совета Европы о желательности поощрения альтернативных процедур разрешения споров. Таким образом, решение Суда созвучно этим заявлениям.

***

Дело *Zavodnik v. Slovenia*³⁴ касалось отсутствия надлежащего уведомления о разбирательстве по делу о банкротстве. Заявитель, главным образом, жаловался на нарушение его права на доступ к суду в связи с разбирательством по делу о банкротстве с участием его бывшего работодателя – компании, кредитором которой он был. Слушания, в ходе которых суд принял предложение о назначении ликвидатора, состоялись в отсутствие заявителя. Заявитель не видел уведомления о слушании, заблаговременно размещенного на доске объявлений суда, и не прочитал это уведомление в «Официальном вестнике». Заявитель также не смог обжаловать решение, так как он пропустил соответствующий срок.

Суд рассмотрел жалобу заявителя в отношении его неспособности принять участие в слушании по делу о банкротстве или своевременно подать апелляцию, с точки зрения права на доступ к суду. Признав, что статья 6 § 1 не предусматривает конкретной формы вручения документов, Суд попытался установить баланс между интересами эффективного отправления правосудия, с одной стороны, и интересами заявителя, с другой стороны.

Суд постановил, что заявитель не имел «справедливой возможности» узнать о соответствующем судебном заседании, и что, следовательно, была нарушена статья 6 § 1. При этом Суд особо подчеркнул ряд факторов: предельный срок для подачи апелляции против соответствующего решения был относительно коротким (восемь дней); само разбирательство длилось более восьми лет; в деле было всего девятнадцать остальных кредиторов; ликвидатор лично заверил заявителя, что он будет проинформирован о любых изменениях; власти не опубликовали уведомление о слушаниях в средствах массовой информации (дополнительная возможность, которая была предусмотрена законом). Суд установил, что это было бы нереалистично ожидать, что заявитель ознакомится с доской объявлений в суде, расположенном в другом городе, чем тот, в котором жил заявитель, или будет изучать каждый выпуск «Официального вестника» в течение восьми лет.

Решение примечательно тем, что в нем дан ряд рекомендаций в отношении мер, которые государство-член может принять в некоторых ситуациях для того, чтобы гарантировать, чтобы участник гражданского разбирательства по делу о банкротстве имел «равные возможности» для

³⁴ *Zavodnik v. Slovenia*, no. 53723/13, 21 May 2015.

участия в судебных слушаниях, с учетом конкретных фактов дела заявителя (в частности, заявитель был уверен, что он будет проинформирован, а число кредиторов было сравнительно небольшим). Интересно также отметить, что Суд принял во внимание тот факт, что заявитель был пожилым человеком, не умевшим обращаться с компьютером и не имевшим доступа в Интернет.

***

В деле *Klausecker v. Germany*³⁵ заявитель жаловался на невозможность добиться рассмотрения по существу жалобы, поданной им против международной организации. Несмотря на успешное прохождение собеседования на должность в Европейском патентном ведомстве (ЕПВ), заявителю, в конечном счете, отказали в трудоустройстве по причине его инвалидности. Его жалобы внутри системы ЕПВ и его жалоба в Административный трибунал Международной организации труда (МОТ) были безуспешными, поскольку кандидаты на должность не имели права подавать такие жалобы. Жалоба заявителя в Федеральный Конституционный Суд была отклонена на том основании, что этот суд не обладает необходимой юрисдикцией, поскольку ЕПВ, которое приняло обжалуемое решение, пользуется иммунитетом от юрисдикции немецких судов.

В ходе разбирательства по Конвенции, заявитель жаловался, во-первых, что решение Федерального Конституционного Суда лишило его доступа к национальным судам и, таким образом, не позволило ему защитить свое гражданское право не подвергаться дискриминации на основании инвалидности. Во-вторых, он утверждал, что, в связи с внутренними недостатками в системе ЕПВ и МОТ, которые привели к невозможности рассмотрения его жалобы, государство-ответчик должно также быть привлечено к ответственности в соответствии с Конвенцией за отсутствие возмещения. Заявитель сослался на статью 6 в отношении обеих жалоб.

Суд отклонил жалобы заявителя в части его безуспешного обращения в национальные суды государства-ответчика. Суд согласился, что заявитель подпадал под юрисдикцию государства-ответчика, учитывая, что Федеральный Конституционный Суд принял решение против него, отказавшись рассматривать решение ЕПВ. В этой связи, государство-ответчик должно было обосновать отказ рассмотреть иск заявителя в отношении гражданского права не подвергаться дискриминации на основании инвалидности при поступлении на работу. При рассмотрении этой жалобы, Суд отметил, что он не обязан решать, применима ли в данном случае статья 6, поскольку эта часть заявления в любом случае является явно необоснованной. Аргументация Суда в отношении неприемлемости в основном базируется на подходе, использованном в предыдущих делах *Waite and Kennedy v. Germany*³⁶ и *Beer and Regan v. Germany*³⁷. Что касается соразмерности, Суд принял во внимание тот факт, что ЕПВ предложило заявителю воспользоваться арбитражной процедурой, но заявитель отказался это сделать.

Далее Суд рассмотрел утверждение заявителя о том, что государство-ответчик несет ответственность за то, что заявитель не смог добиться рассмотрения ЕПВ и Административным трибуналом МОТ его жалобы по существу. Позиция Суда по этому вопросу интересна тем, что в качестве отправной точки он принял доктрину «эквивалентной защиты», которая была впервые разработана в деле *Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland*³⁸ и впоследствии применялась в контексте рассмотрения жалоб в отношении поведения международных организаций и трибуналов в трудовых спорах, в частности, в деле *Gasparini v. Italy and Belgium*³⁹. Дело *Gasparini* касалось соответствия Конвенции внутренних процедур по трудовым спорам в рамках НАТО, без вмешательства государства-ответчика в эту процедуру. В обстоятельствах дела заявителя, Суд не видит оснований считать, что после передачи Германией своих суверенных полномочий ЕПВ, права, гарантированные Конвенцией, как правило, не получают в ЕПВ «эквивалентной защиты», по сравнению с защитой, обеспечиваемой системой Конвенции. Следовательно, ответственность Германии по Конвенции могла бы возникнуть, только если бы защита основных прав, предоставляемая ЕПВ в данном деле, была «явно недостаточной».

³⁵ *Klausecker v. Germany* (dec.), no. 415/07, 6 January 2015.

³⁶ *Waite and Kennedy v. Germany* [GC], no. 26083/94, ECHR 1999-I.

³⁷ *Beer and Regan v. Germany* [GC], no. 28934/95, 18 February 1999.

³⁸ *Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland* [GC], no. 45036/98, ECHR 2005-VI.

³⁹ *Gasparini v. Italy and Belgium* (dec.), no. 10750/03, 12 May 2009.

В этих обстоятельствах, Суд решил, что следует рассмотреть следующие вопросы: действительно ли тот факт, что ЕПВ и Административный трибунал МОТ отказали претенденту на должность в пересмотре решения ЕПВ не принимать его на работу, который является основным вопросом в данном деле, свидетельствует о существовании недостатков, связанных с защитой прав человека в рамках ЕПВ? Суд не нашел явных недостатков. В первую очередь, и в ответ на довод заявителя о том, что его жалоба не была рассмотрена по существу, Суд отметил, что Конвенция допускает ограничения права доступа к суду в контексте споров, касающихся найма на государственную службу. Во-вторых, сама суть права заявителя на доступ к суду не была нарушена, так как ЕПВ предложил ему воспользоваться арбитражной процедурой, то есть ему были доступны разумные альтернативные средства для того, чтобы добиться рассмотрения по существу его жалобы на решение не принимать его на работу.

*Справедливость разбирательства*⁴⁰

Дело *Adorisio and Others v. the Netherlands*⁴¹ касалось ограничения прав заявителей по статье 6 в контексте их попытки обжаловать экстренные экономические меры, принятые в банковском секторе.

Правительство Нидерландов экспроприировало акции и субординированные облигации, выпущенные банковским и страховым конгломератом «SNS Reaal» в начале 2013 года, после того, как он столкнулся с проблемами в результате финансового кризиса 2008 года. «SNS Reaal» был четвертым по величине банком в Нидерландах, и он не мог позволить себе разориться. Подвергшимся экспроприации акционерам и держателям облигаций были доступны два средства правовой защиты: во-первых, ускоренная административная процедура, в рамках которой мог быть поднят вопрос о законности экспроприации, и, во-вторых, разбирательство в отношении компенсации в гражданских судах. Решение Суда касалось только ускоренной административной процедуры; компенсационное разбирательство в гражданских судах еще не было завершено.

Заявители – все из которых были иностранными гражданами или юридическими лицами – жаловались, в соответствии со статьей 6 § 1 Конвенции, что срок для подачи апелляции (всего десять дней) был слишком коротким; что у них было недостаточно времени для изучения заявления Министра финансов в пользу защиты (они получили это заявление во второй половине дня накануне слушаний); и что они получили доступ к неполной версии финансовых отчетов, составленных бухгалтерской фирмой и фирмой по оценке недвижимости.

Что касается десятидневного срока для обжалования, он действительно был коротким, но не слишком коротким: все заявители могли подать эффективную апелляцию. Кроме того, в ожидании рассмотрения их апелляций, они могли представлять дополнительные документы и материалы до дня, предшествующего дню проведения слушаний. На слушаниях, они могли представить дополнительные аргументы, в том числе аргументы, не представленные ранее.

Что касается времени, доступного для реагирования на заявления Министра финансов, заявители (или их адвокаты), несомненно, имели возможность изучить документ за одну ночь: из решения Административного отдела юрисдикции видно, что заявители подняли вопросы, касающиеся «всех возможных аспектов дела». В любом случае, даже задним числом ни один из заявителей не утверждал, что они выдвигали бы другие аргументы в ходе слушаний.

Наконец, что касается неполной версии финансовых отчетов, необходимость ограничения доступа к полным докладом была оценена административным судом (в ином составе), который установил, в своем решении, что изъятая информация не имела отношения к обсуждаемым вопросам. В этих обстоятельствах, невыгодное положение заявителей было надлежащим образом уравновешено. Кроме того, Европейской Комиссии был предоставлен доступ к, по меньшей мере, одному из докладов, которые были необходимы ей для того, чтобы решить, являлась ли экспроприация «государственной помощью», запрещенной в соответствии с законодательством Европейского

⁴⁰ См. также *Bochan (no. 2)*, сноска 31.

⁴¹ *Adorisio and Others v. the Netherlands* (dec.), nos. 47315/13, 48490/13 and 49016/13, 17 March 2015.

Союза. Европейская Комиссия обнародовала свое решение, также без подробной финансовой информации, подтверждающее мнение, что существовала реальная потребность ограничить доступ к этой информации.

Это решение примечательно тем, что оно гласит, что очень веские экономические интересы могут оправдать ограничение прав личности по статье 6 в качестве чрезвычайной меры.

Исполнение окончательного решения

Дело *Tchokontio Hippi v. France*⁴² было первым делом против Франции в отношении продолжающегося неисполнения окончательного решения, требующего от властей переселения физического лица. Такое решение в отношении заявителя было принято в соответствии с законом 2007 года (известным как «Закон DALO»). Закон DALO признает право на достойное и независимое проживание, и гласит, что невыполнение властями распоряжения о переселении влечет за собой выплату штрафа в специальный государственный фонд. Суд установил нарушение в соответствии со статьей 6 § 1, учитывая, что заявитель все еще не был переселен, отметив, в частности, что органы государственной власти не могут ссылаться на отсутствие средств или других ресурсов в качестве предлога для неисполнения судебного решения.

Право на эффективное средство правовой защиты (статья 13)

Дело *Kuppinger v. Germany*⁴³ касалось понятия эффективного средства правовой защиты в отношении задержек в разбирательстве, связанном с контактами между родителем и ребенком. В нормальных обстоятельствах совместимое со статьей 13 средство правовой защиты в отношении продолжительности разбирательства может принимать две формы: средство, позволяющее жертве требовать возмещения убытков, или средство, позволяющее жертве просить об ускорении судопроизводства. В идеале, в соответствии с прецедентным правом Суда, в национальной правовой системе должны быть доступны оба средства правовой защиты.

Это решение примечательно тем, что в нем подчеркивается, что в судопроизводстве в отношении прав родителя на контакты с его ребенком, национальное законодательство должно обеспечить существование средства, которое позволит запрашивающей стороне ускорить вынесение решения в отношении права на контакты. В данном деле, заявитель жаловался, в частности, что продолжительность национального разбирательства, в рамках которого должно было быть вынесено решение в отношении его права на контакты со своим ребенком, была необоснованной, и что он не имел эффективных средств правовой защиты для ускорения вынесения этого решения. Заявитель жаловался на нарушение статьи 13 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 8.

Государство-ответчик утверждало, что заявитель мог подать иск о компенсации за якобы необоснованную продолжительность разбирательства, опираясь на положения Закона о средствах правовой защиты 2011 года.

Суд ответил, что в разбирательстве, продолжительность которого имеет очевидное влияние на семейную жизнь заявителя, требуется более строгий подход, и в национальном законодательстве должны существовать как профилактические, так и компенсационные средства правовой защиты. Суд отметил, что позитивное обязательство государства принять соответствующие меры в этой связи рискует стать иллюзорным, если заявитель имеет в своем распоряжении только апостериорные средства правовой защиты, связанные с возмещением ущерба. Суд не уверен, что Закон о средствах правовой защиты, на который сослалось государство-ответчик, может рассматриваться как имеющий достаточное ускоряющее влияние на незавершенное судебное разбирательство в делах, подобных делу заявителя, которые касаются права на контакты с детьми

⁴² *Tchokontio Hippi v. France*, no. 65829/12, 9 April 2015.

⁴³ *Kuppinger v. Germany*, no. 62198/11, 15 January 2015.

младшего возраста. В частности, было установлено, что использование Закона о средствах правовой защиты не могло ускорить разбирательство по этому вопросу.

Суд принял во внимание два более ранних решения, в котором он пришел к аналогичным выводам, а именно *Macready v. the Czech Republic*⁴⁴ и *Bergmann v. the Czech Republic*⁴⁵. В этих обстоятельствах, Суд постановил, что была нарушена статья 13 в совокупности со статьей 8.

Процессуальные права в уголовном судопроизводстве

Право на справедливое судебное разбирательство (статья 6)

Беспристрастный суд (статья 6 § 1)

В решении *Morice v. France*⁴⁶ был рассмотрен вопрос об объективной беспристрастности вышестоящего суда в деле, в котором участвовали, с одной стороны, представители судебной власти, и, с другой стороны, адвокат (заявитель в данном деле). Заявитель жаловался на поведение судей в письме, которое было напечатано во французской прессе. Судьи подали жалобу в отношении публичной диффамации государственного служащего. Заявитель был осужден судом первой инстанции за соучастие в диффамации. Его кассация была отклонена уголовным отделом Кассационного суда, который, таким образом, оставил приговор в силе.

Один из судей коллегии Кассационного суда, отклонившего кассацию, несколько лет назад, в ходе судебного разбирательства, в котором заявитель выступал в качестве адвоката, выразил поддержку одному из судей, упомянутых в письме заявителя. Поддержка была выражена публично, по официальным каналам.

Заявитель утверждал, что присутствие этого судьи в составе Кассационного суда подтвердило его опасения, что Кассационный суд – конечная инстанция обжалования по его делу – не был беспристрастным.

Суд установил нарушение статьи 6 § 1. Его решение, которое подтверждает прецедентное право в отношении требования беспристрастности суда (см., например, *Kyprianou v. Cyprus*⁴⁷, и *Micallef v. Malta*⁴⁸), примечательно по ряду причин.

Во-первых, оно подтверждает важность конкретного контекста при проверке, можно ли рассматривать опасения заявителя как объективно оправданные для целей статьи 6 § 1. Дело заявителя касалось двух профессиональных юристов, адвоката и судьи, которые принимали участие в очень громких делах. Во-вторых, Суд счел, что публичная поддержка, выраженная девять лет назад судьей своему коллеге, который позднее рассматривал дело в отношении заявителя, может вызвать сомнения в беспристрастности этого судьи. В-третьих, заявитель не был проинформирован о наличии этого судьи в составе коллегии. Таким образом, он не имел возможности оспорить присутствие этого судьи или поставить вопрос о беспристрастности.

В целом, Большая Палата подчеркнула два аспекта дела: (i) решающая роль в кассационном разбирательстве, который является особой стадией уголовного судопроизводства, возможно имеющей, как в данном деле, решающее значение для обвиняемого, потому что если дело было отклонено, оно может быть передано в другой апелляционный суд для нового рассмотрения вопросов факта и права; и (ii) тот факт, что судья, чья беспристрастность была поставлена под сомнение, входил в состав коллегии, включавшей десять судей, не был решающим для объективного вопроса о беспристрастности, поскольку, по причине секретности обсуждения, его реальное влияние на обсуждение невозможно было установить.

Презумпция невиновности (статья 6 § 2)

⁴⁴ *Macready v. the Czech Republic*, nos. 4824/06 and 15512/08, 22 April 2010.

⁴⁵ *Bergmann v. the Czech Republic*, no. 8857/08, 27 October 2011.

⁴⁶ *Morice v. France* [GC], no. 29369/10, 23 April 2015.

⁴⁷ *Kyprianou v. Cyprus* [GC], no. 73797/01, § 118, ECHR 2005-XIII.

⁴⁸ *Micallef v. Malta* [GC], no. 17056/06, § 93, ECHR 2009.

Дело *Dicle and Sadak v. Turkey*⁴⁹ касалось последствий возобновления уголовного разбирательства на национальном уровне после установления факта нарушения статьи 6 Судом.

В 1995 году заявители, бывшие члены Национального собрания Турции и политической партии, которая была расформирована Конституционным Судом, были приговорены окончательным решением к лишению свободы на пятнадцать лет за принадлежность к незаконной организации. Позднее, в решении *Sadak and Others v. Turkey*⁵⁰, Суд установил нарушения статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) в связи с этим разбирательством. После этого решения разбирательство на национальном уровне было возобновлено в силу статьи 327 Уголовно-процессуального кодекса Турции в рамках нового уголовного дела, независимого от первоначального разбирательства. В марте 2007 года суд присяжных подтвердил первоначальный приговор, но сократил срок тюремного заключения с пятнадцати до семи с половиной лет. В своем решении суд называл заявителей «обвиняемыми/осужденными лицами».

После этого заявители попытались зарегистрироваться в качестве кандидатов на парламентских выборах в июле 2007 года, но их кандидатуры были отклонены Национальной избирательной комиссией на том основании, что, в соответствии с первоначальным приговором, они были лишены права быть избранными. Тем не менее, к тому времени разбирательство, в котором они были первоначально осуждены, было возобновлено, и дело ожидало судебного рассмотрения. Вина заявителей была юридически установлена позднее, после того, как Кассационный суд, своим решением 2008 года, оставил в силе решение суда присяжных в возобновленном разбирательстве.

Заявители жаловались на нарушение статьи 6 § 2 Конвенции, в частности, в связи со словами, которые употреблял по отношению к ним суд присяжных в своем решении 2007 года. Они также жаловались, в соответствии со статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, на нарушение их права участвовать в выборах.

В этом деле также были подняты некоторые интересные вопросы. Во-первых, Суд должен был определить, можно ли считать, что, используя слова «обвиняемые/осужденные», вместо просто «обвиняемые» по отношению к заявителям при пересмотре дела, суд присяжных относился к ним как к виновным, до того как их вина была юридически установлена. Во-вторых, Суд должен был решить, действительно ли тот факт, что сведения о первоначальном осуждении присутствовали в личном деле заявителей даже после того, как дело было возобновлено, нарушил право заявителей на презумпцию невиновности. Суд ответил на оба вопроса утвердительно.

Что касается первого пункта, в соответствии с внутренним законодательством, вновь открытое разбирательство является полностью независимым от первоначального разбирательства, поэтому дело должно было рассматриваться так, как если бы заявители предстали перед судом впервые. Тем не менее, суд присяжных применял к заявителям слова «обвиняемые/осужденные», хотя он еще не определил, в свете доказательств и материалов защиты, виновны ли они (вина заявителей была юридически установлена в возобновленном разбирательстве позднее, когда Кассационный суд оставил в силе решение суда присяжных).

Что касается второго пункта, тот факт, что информация о первоначальном осуждении заявителей, свидетельствующая, таким образом, об их виновности, осталась в их личных делах после возобновления производства по делу, когда заявители, в принципе, имели статус «подозреваемых в совершении преступления», вызывает вопросы в отношении их права в соответствии со статьей 6 § 2 (презумпция невиновности). По мнению Суда, сохранение в личном деле заявителей сведений об их осуждении было равнозначно утверждению, без окончательного приговора, что заявители совершили предполагаемое преступление. Это является нарушением статьи 6 § 2.

⁴⁹ *Dicle and Sadak v. Turkey*, no. 48621/07, 16 June 2015.

⁵⁰ *Sadak and Others v. Turkey (no. 1)*, nos. 29900/96 et al., ECHR 2001-VIII.

Именно в свете этих рассуждений, Суд рассматривал вторую жалобу – на нарушение статьи 3 Протокола № 1. Заявители, в принципе, должны были рассматриваться как «подозреваемые в совершении преступления». Однако отклонение их кандидатур на выборах в законодательные органы было основано на их первоначальном осуждении, сведения о котором остались в их личных делах. Соответственно, Суд установил, что отклонение кандидатур заявителей не может считаться «предусмотренным законом» по смыслу Конвенции. Таким образом, права заявителей были нарушены также в этой связи.

Право на защиту (статья 6 § 3)

Дело [Vamvakas v. Greece \(no. 2\)](#)⁵¹ было связано с тем, что апелляционный суд не провел расследование отсутствия назначенного адвоката на кассационном слушании.

Бесплатный адвокат был назначен заявителю в связи с подачей им в Кассационный суд жалобы в отношении его осуждения. Адвокат не явился на кассационное слушание. Он не предупредил суд о своем отсутствии заранее и не представил никаких объяснений своей неявки либо ходатайства об отсрочке слушания, по крайней мере, в порядке, установленном национальным законодательством. Жалоба заявителя была отклонена на том основании, что он не мог продолжать участвовать в ее рассмотрении.

В ходе разбирательства по Конвенции, заявитель жаловался, что он был лишен права на справедливое судебное разбирательство в нарушение статьи 6.

Суд принял решение в пользу заявителя. Это дело интересно тем, что оно иллюстрирует часто используемый Судом принцип, что права, предусмотренные статьей 6, должны быть эффективными на практике и в действительности, и что могут потребоваться позитивные шаги для того, чтобы обеспечить уважение к этому принципу. Этот принцип, конечно, должен применяться с учетом конкретных фактов каждого дела, рассматриваемого Судом.

Руководящие соображения, используемые при рассмотрении жалоб, подобных жалобе заявителя, были сформулированы в решении по делу [Daud v. Portugal](#)⁵². В этом решении Суд заявил:

«...Из независимости юридической профессии от государства следует, что поведение защитника, по сути, является предметом договоренности между обвиняемым и его адвокатом, независимо от того, был ли адвокат назначен в рамках системы правовой помощи, или был нанят частным образом... В соответствии со статьей 6 § 3 (с), компетентные национальные органы обязаны вмешаться, только если недобросовестное выполнение назначенным адвокатом своих обязанностей, связанных с обеспечением эффективного представительства, очевидно или доведено до их сведения каким-либо другим способом» (*Kamasinski v. Austria*, 19 December 1989, § 65, Series A. no. 168)».

В обстоятельствах дела заявителя, Суд установил, что Кассационный суд должен был изучить причины необъясненного отсутствия адвоката заявителя на слушаниях, учитывая, что обстоятельства позволяли предполагать, что адвокат явно не исполнял свои профессиональные обязанности. Отсутствие каких-либо обоснований для неявки адвоката (который был назначен за семь недель до даты слушания) должно было побудить Кассационный суд отложить слушания по жалобе заявителя, чтобы прояснить ситуацию, тем более, что решение об отклонении кассационной жалобы заявителя было окончательным.

***

Дело [A.T. v. Luxembourg](#)⁵³ касалось допроса заявителя под стражей в отсутствие адвоката и отказа в предоставлении адвокату доступа к материалам дела перед первым допросом следственным судьей.

Заявитель был арестован в Великобритании на основании Европейского ордера на арест, выданного в отношении заявления об изнасиловании. Заявитель был передан властям Люксембурга.

⁵¹ *Vamvakas v. Greece (no. 2)*, no. 2870/11, 9 April 2015.

⁵² *Daud v. Portugal*, 21 April 1998, § 38, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-II.

⁵³ *A.T. v. Luxembourg*, no. 30460/13, 9 April 2015.

Вскоре после прибытия, заявитель был допрошен полицией в присутствии переводчика. Он попросил пригласить адвоката, но, в конце концов, согласился представить полиции свою версию событий в отсутствие адвоката. На следующий день он был допрошен следственным судьей. На этом этапе заявитель был официально обвинен в совершении преступления и проинформирован о своем праве на выбор адвоката. Затем он был допрошен в присутствии своего недавно назначенного адвоката и переводчика. Заявитель был признан виновным и осужден. Его апелляция была отклонена.

Заявитель подал две жалобы в соответствии со статьей 6 § 3 (с) в совокупности со статьей 6 § 1. Во-первых, он жаловался на отсутствие адвоката во время его первого допроса в полиции. Принимая во внимание тот факт, что национальное законодательство не предусматривает присутствия адвоката на этом этапе, что означает автоматическое лишение заявителя права на помощь адвоката, Суд установил нарушение. Подход Суда полностью соответствует более ранним решениям [Salduz v. Turkey](#)⁵⁴, [Dayanan v. Turkey](#)⁵⁵, [Panovits v. Cyprus](#)⁵⁶, и [Navone and Others v. Monaco](#)⁵⁷. Даже если заявитель не дал никаких компрометирующих его показаний во время допроса в полиции, суд первой инстанции, тем не менее, сравнил и сопоставил его заявления на этом этапе с более поздними показаниями.

Во-вторых, заявитель жаловался на отсутствие эффективной помощи адвоката во время его первого допроса следственным судьей. Суд провел различие между доступом адвоката к материалам дела, с одной стороны, и контактами между заявителем и адвокатом, с другой стороны.

- Что касается доступа к материалам дела, это дело примечательно тем, что, по мнению Суда, если национальные власти посчитали, в конкретном деле, что для интересов правосудия будет лучше, если обвиняемому не будет предоставлен доступ к материалам дела до допроса следственным судьей, статья 6 не может использоваться для того, чтобы требовать полного доступа на этом этапе разбирательства. Суд отметил, что, в соответствии с национальным законодательством государства-ответчика, заявитель, будучи обвиняемым, мог хранить молчание при допросе следственным судьей, изучать материалы дела при предъявлении ему официальных обвинений, а затем организовать свою защиту на последующих слушаниях в свете информации, полученной из материалов дела. Следовательно, Суд не нашел нарушения статьи 6 § 3 (с) в совокупности со статьей 6 § 1 в отношении этого аспекта жалобы заявителя.

- Что касается эффективного общения с адвокатом, Суд установил, что в Люксембурге лица, предстающие перед следственным судьей, не имеют возможности конфиденциально общаться с адвокатом до допроса. Это подтверждается докладом Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) за 2010 год. В данном деле, адвокат заявителя был назначен утром того же дня, когда проводился допрос, и нет никаких убедительных доказательств того, что заявитель имел возможность эффективно пообщаться с адвокатом. Следовательно, Суд установил нарушение статьи 6 § 3 (с) в совокупности со статьей 6 § 1.

Наказание исключительно на основании закона (статья 7)

Решение по делу [Rohlena v. the Czech Republic](#)⁵⁸ уточняет прецедентное право Суда в соответствии со статьей 7 Конвенции в отношении применения понятия «продолжающегося» уголовного преступления, которое рассматривалось чешскими судами в соответствии с законодательством, действовавшим в момент совершения последнего преступления. Заявитель жаловался, в частности, что его осуждение за преступление домашнего насилия включало его поведение еще до того, преступление было признано уголовным в 2004 году. Решение Большой Палаты представляет собой интерес в связи с тем, как был рассмотрен конкретный случай непрерывного уголовного

⁵⁴ [Salduz v. Turkey](#) [GC], no. 36391/02, ECHR 2008.

⁵⁵ [Dayanan v. Turkey](#), no. 7377/03, 13 October 2009.

⁵⁶ [Panovits v. Cyprus](#), no. 4268/04, § 64, 11 December 2008.

⁵⁷ [Navone and Others v. Monaco](#), nos. 62880/11, 62892/11 and 62899/11, 24 October 2013.

⁵⁸ [Rohlena v. the Czech Republic](#) [GC], no. 59552/08, 27 January 2015.

преступления.

Проанализировав соответствующее национальное законодательство, Суд установил, что, поскольку предыдущее поведение заявителя являлось уголовно наказуемым правонарушением в соответствии с Уголовным кодексом, действовавшим в то время, и составной частью правонарушения, которое было введено в новой редакции кодекса, ретроактивного применения закона в нарушение Конвенции не было.

Кроме того, преступление, в совершении которого заявитель был признан виновным, было в национальном законодательстве на момент его совершения, и было определено в законе достаточно четко, чтобы удовлетворять требованию предсказуемости для целей статьи 7 Конвенции.

Следует отметить, что Суд также сослался на законы других государств-членов и подчеркнул в этой связи, что понятие продолжающегося уголовного преступления, как оно было интерпретировано чешскими судами, является, как показало сравнительное исследование законодательства, совместимым с европейскими традициями в этой сфере. Этот тип уголовного преступления предусмотрен в подавляющем большинстве Договаривающихся государств, либо в законодательстве, либо в юридической теории и судебной практике.

Наконец, что касается вопроса, было ли заявителю назначено более суровое наказание в результате осуждения за продолжающееся преступление, Суд установил, что если бы заявитель был признан виновным в нескольких отдельных преступлениях, он мог бы получить более тяжкое наказание, чем то, к которому он был приговорен, поскольку совершение нескольких преступлений, скорее всего, было бы признано отягчающим обстоятельством. Следовательно, нарушения статьи 7 в деле заявителя не было.

Право на обжалование в уголовных делах (статья 2 Протокола № 7)

Дело *Ruslan Yakovenko v. Ukraine*⁵⁹ касалось препятствования осуществлению права на обжалование в уголовных делах. Это дело связано с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, для обжалования решения суда по уголовному делу, имеющего непосредственное влияние на право на свободу.

Заявитель, который содержался в предварительном заключении по обвинению в нанесении тяжких телесных повреждений, был приговорен судом первой инстанции к лишению свободы. Его приговор должен был истечь через три дня после вынесения приговора, так как он уже провел длительное время в предварительном заключении. Тем не менее, суд решил оставить заявителя под стражей, в качестве превентивной меры, вплоть до вступления в законную силу решения суда первой инстанции, даже после истечения срока его тюремного заключения. Если бы заявитель не подал апелляцию, это «предварительное заключение» продолжалось бы двенадцать дней, до вступления в законную силу решения суда первой инстанции. Если бы заявитель подал апелляцию, вступление в законную силу решения суда первой инстанции было бы отложено на неопределенный период времени, то есть это «предварительное заключение» также было бы продлено на неопределенное время.

Заявитель жаловался в Суд на нарушение его права на обжалование в уголовных делах в соответствии со статьей 2 Протокола № 7.

Впервые Суд рассматривал вопрос, связанный с процедурными правилами подачи апелляций, которые непосредственно влияют на право на свободу. Согласно устоявшемуся прецедентному праву Суда, Договаривающимся Сторонам предоставлена широкая свобода усмотрения при определении того, как будет осуществляться право, закрепленное в статье 2 Протокола № 7. Тем не менее, сама суть этого права на обжалование не должна ущемляться, и, в конкретных обстоятельствах данного дела, Суд пришел к выводу, что это право действительно было нарушено. Заявитель имел право подать апелляцию, но, на практике, ему было невыгодно делать это, так как любая апелляция задержала бы вступление в законную силу решения суда первой инстанции, и, таким образом, отсрочила бы его освобождение. Суд установил, что это

⁵⁹ *Ruslan Yakovenko v. Ukraine*, no. 5425/11, 4 June 2015.

противоречит статье 2 Протокола № 7, поскольку заявитель мог осуществить свое право на обжалование лишь в обмен на лишение свободы на неопределенный срок.

Гражданские и политические права

Право на уважение частной и семейной жизни (статья 8)

*Частная жизнь*⁶⁰

Дело *Bohlen v. Germany*⁶¹ касалось использования имени заявителя, без его согласия, в рекламе сигарет (статья 8 Конвенции и статья 1 Протокола № 1).

Заявитель был известным поп-певцом. Он опубликовал книгу. Некоторые отрывки пришлось изъять из книги в результате судебного разбирательства. Табачная компания, в рамках своей рекламной кампании бренда сигарет, использовала имя заявителя и упомянула, в юмористической и сатирической манере, о проблемах, с которыми столкнулся заявитель после публикации своей книги. Заявитель потребовал выплатить ему компенсацию за незаконное использование его имени и незаконное обогащение табачной компании в результате такого использования. Гражданский иск заявителя был, в конечном счете, отклонен Федеральным судом юстиции. В ходе разбирательства по Конвенции, заявитель утверждал, что государство-ответчик не смогло защитить его право на уважение его личной жизни. Суд постановил, что нарушения статьи 8 не было.

Это дело примечательно тем, что Суд признал, на основании фактов дела, что право на коммерческую рекламу перевешивает аргументы заявителя в соответствии со статьей 8.

В первую очередь, Суд подчеркнул, что имя лица является частью его или ее частной (и семейной) жизни. В данном деле, даже если имя заявителя не было редким, тот факт, что рекламная кампания была связана со спорами вокруг публикации его книги, позволял его идентифицировать. В этой связи, была затронута статья 8. Суд изучил вопрос, означал ли безуспешный гражданский иск заявителя, что государство-ответчик не смогло защитить право заявителя на уважение его частной жизни. При этом Суд использовал ряд критериев, установленных им в своем решении по делу *Axel Springer AG v. Germany*⁶², с тем чтобы оценить, был ли соблюден справедливый баланс между конкурирующими интересами свободы слова и неприкосновенности частной жизни в конкретных обстоятельствах данного дела. Суд пришел к следующим выводам:

- (i) рекламная кампания проходила на фоне широко освещаемых в СМИ публикации книги заявителя и последовавшего судебного разбирательства. Рекламная кампания содержала сатирические и юмористические аллюзии на дискуссии, которые велись в то время вокруг публикации книги. Сатира и юмор являются формами выражения мнения, охраняемыми статьей 10 Конвенции. Таким образом, рекламная кампания может рассматриваться как вклад в дискуссию по вопросу, представляющему общественный интерес.
- (ii) Заявитель был известной личностью, и по этой причине он пользовался меньшей степенью защиты своей частной жизни.
- (iii) В рекламе не сообщались никакие подробности частной жизни заявителя и не упоминались откровенные сведения, раскрытые заявителем в его книге о своей личной жизни. По мнению Суда, опубликовав книгу о себе, заявитель намеренно стремился к гласности.
- (iv) Рекламная кампания не дает оснований полагать, что некурящий заявитель каким-либо образом ассоциировал себя с продвижением рекламируемого бренда сигарет.

⁶⁰ See also *Elberte*, сноска 19.

⁶¹ *Bohlen v. Germany*, no. 53495/09, 19 February 2015. See also *Ernst August von Hannover v. Germany*, no. 53649/09, 19 February 2015.

⁶² *Axel Springer AG v. Germany* [GC], no. 39954/08, §§ 90-95, 7 February 2012, см. Доклад за 2012 год.

(v) Только лица, знакомые с судебным разбирательством с участием заявителя после публикации, могли связать его имя с рекламой.

Выводы и заключение Суда также представляют интерес, поскольку они тесно связаны с тем, каким образом Федеральный суд юстиции рассмотрел гражданский иск заявителя, в частности, тем, как он установил баланс между интересами сторон. Один из аргументов заявителя в ходе разбирательства по Конвенции состоял в том, что Федеральный суд юстиции отдал предпочтение конституционному праву табачной компании на свободу выражения мнения, поскольку заявитель отстаивал только свое право на финансовую защиту использования его имени. Суд не согласился с этим аргументом, постановив, что при установлении баланса между интересами сторон Федеральный суд юстиции рассмотрел все соответствующие соображения.

***

В деле [Y.Y. v. Turkey](#)⁶³ заявитель пыталась добиться разрешения сделать операцию по смене пола, но ей было отказано на том основании, что она не была окончательно признана бесплодной. В этой связи, Суды сослались на статью 40 Гражданского кодекса. Стороны не оспаривали, что заявитель соответствовала другим условиям для проведения операции. В конечном счете, заявителю было позволено сделать операцию в 2013 году, через пять лет и семь месяцев после отказа в удовлетворении ее просьбы. Национальный суд рассмотрел просьбу заявителя, не изучив вопрос, может ли она производить потомство. В ходе разбирательства по Конвенции, заявитель утверждала, что было нарушено ее право в соответствии со статьей 8 на уважение ее частной жизни.

Это дело поднимает новую проблему в том смысле, что, в отличие от рассмотренных ранее дел, касающихся транссексуалов, Суд был призван решить вопрос о совместимости со статьей 8 условий, наложенных на заявителя, желающего изменить пол. В предыдущих случаях, Суд должен был оценить оправданность ограничений, налагаемых на осуществление транссексуалами их прав по статье 8 после операции (см., например, [Christine Goodwin v. the United Kingdom](#)⁶⁴, [Van Kück v. Germany](#)⁶⁵, и [Hämäläinen v. Finland](#)⁶⁶).

Решение интересно тем, что Суд рассматривал дело заявителя с точки зрения вмешательства в ее права по статье 8, а не выяснял, являлся ли, в конкретных условиях, первоначальный отказ позволить ей сделать операцию по смене пола, нарушением права, гарантируемого этой статьей. Суд установил, что этот отказ составил вмешательство в право заявителя на уважение ее частной жизни, в частности, ее право на собственную сексуальную идентичность и личное сексуальное развитие по собственному выбору.

Суд признал, что изменение пола хирургическим путем может быть предметом регулирования со стороны государства по соображениям, связанным с охраной здоровья. Тем не менее, остается открытым вопрос о том, преследует ли аналогичные цели требование бесплодия, содержащееся в национальном законодательстве.

Суд уделил особое внимание вопросу о необходимости вмешательства, с учетом, в частности, свободы усмотрения, предоставляемой властям при принятии законов в отношении условий, регулирующих доступ к хирургической смене пола, и правового признания нового пола, при том, что масштабы этой свободы усмотрения определяются характером рассматриваемого права, а также существующими национальными и европейскими тенденциями в этой сфере. Суд отметил, в частности, что во многих государствах-членах Совета Европы операции по смене пола доступны для транссексуалов, и новый послеоперационный пол признается законом. Некоторые государства обусловили официальное признание нового пола лица, подвергшегося операции, его или ее

⁶³ *Y.Y. v. Turkey*, no. 14793/08, 10 March 2015.

⁶⁴ *Christine Goodwin v. the United Kingdom* [GC], no. 28957/95, § 90, ECHR 2002-VI.

⁶⁵ *Van Kück v. Germany*, no. 35968/97, § 69, ECHR 2003-VII.

⁶⁶ *Hämäläinen v. Finland* [GC], no. 37359/09, § 67, ECHR 2014, см. Доклад за 2014 год.

неспособностью к деторождению. Некоторые государства недавно отменили требование неспособности к деторождению в качестве обязательного условия для юридического признания нового пола. Кроме того, в странах, где это требование существовало, вопрос о способности к деторождению возникал только после операции. В данном деле, и с учетом первоначального решения национального суда, представляется, что это требование должно было быть выполнено до выдачи разрешения на операцию по смене пола. По мнению Суда, даже при условии, что при отказе в просьбе заявителя были выдвинуты соответствующие аргументы, они не могут считаться достаточными. Следовательно, была нарушена статья 8.

***

Дело *Y. v. Slovenia*⁶⁷ касалось перекрестного допроса в суде жертвы изнасилования обвиняемым и вопроса о защите ее личной неприкосновенности в суде.

Прецедентное право Европейского Суда изобилует примерами обстоятельств, в которых требовалось оценить, установили ли национальные суды справедливый баланс между правами защиты и другими императивами, например, соображениями безопасности или интересами потерпевших и свидетелей. Дело *Y. v. Slovenia* представляют новый взгляд на процесс примирения конкурирующих прав и интересов. Заявитель утверждала, что ее право на уважение ее частной жизни, рассматриваемое с точки зрения ее личной неприкосновенности, было нарушено в связи с неспособностью суда первой инстанции защитить ее от тревожащих и неадекватных вопросов обвиняемого. Обычно в делах, рассматриваемых Судом, именно обвиняемые жалуются на нарушение их права на защиту из-за отсутствия у них возможности непосредственно задавать вопросы свидетелям.

Заявитель утверждал, что X ее изнасиловал. На момент совершения преступления она была несовершеннолетней, а X являлся другом семьи. Ее показания были единственным прямым доказательством по делу. Другие свидетельства, заслушанные в суде первой инстанции, были противоречивыми. Обвиняемому было разрешено лично допросить заявителя в ходе двух судебных слушаний по делу.

При оценке, установил ли суд надлежащий баланс между интересами заявителя по статье 8 и осуществлением обвиняемым его права на защиту, гарантированного статьей 6, Суд принял, в качестве отправной точки, стресс, который могла испытывать жертва сексуального преступления при личной беседе с обвиняемым. По мнению Суда, такая беседа несла в себе риск нанесения жертве дополнительной травмы, поэтому национальный суд должен был тщательно оценить общение между обвиняемым и жертвой, тем более с учетом того, что вопросы, задаваемые жертве, носили интимный характер.

В обстоятельствах дела заявителя, Суд установил, что суд первой инстанции не смог соблюсти должный баланс между правами сторон. Суд отметил, в частности, что обвиняемому было разрешено задать заявителю чрезвычайно личные вопросы, большинство которых было направлено не на проверку ее правдивости, а предназначались для того, чтобы унижить ее; некоторые его вопросы носили явно оскорбительный характер. Признав, что защита должна иметь возможность оспорить искренность и правдивость заявителя, Суд считает, что допрос не должен использоваться как средство запугивания или унижения свидетелей. По мнению Суда, с учетом того, что заявителя допрашивал, непосредственно, подробно и долго, мужчина, которого она обвиняла в сексуальном насилии, председательствующий судья обязан был обеспечить, чтобы ее личная неприкосновенность была должным образом защищена. В целом, не вмешавшись, в некоторые необходимые моменты, в допрос, председательствующий судья не выполнил эту обязанность. Следует также отметить, что Суд признал нарушение в связи с тем, каким образом эксперт-гинеколог задавал вопросы заявителю в суде. Назначенный следственным судьей эксперт должен был установить, имела ли заявитель половой акт с обвиняемым. В ходе судебного разбирательства эксперт задавал заявителю оскорбительные вопросы, которые не были связаны с его непосредственными обязанностями и не входили в сферу компетенции органов прокуратуры и

---

⁶⁷ *Y. v. Slovenia*, no. 41107/10, ECHR 2015 (выдержки).

суда. Это еще более усугубило стресс заявителя. Суд отметил, что судебные органы обязаны обеспечить, чтобы другие участники судебного разбирательства, призванные помочь им в расследовании или принятии решения, обращались с жертвами и другими свидетелями достойным образом и не доставляли им ненужных переживаний.

***

В деле *Y v. Turkey*⁶⁸ заявитель жаловался, что информация о том, что он является ВИЧ-положительным, была раскрыта сотрудникам больницы, в которую его привезли после обморока. При поступлении в больницу он находился в бессознательном состоянии, и не мог самостоятельно сообщить, что является ВИЧ-положительным. Его родственники сообщили эту информацию в бригаде вызванной ими скорой помощи. Заявитель жаловался, что бригада скорой помощи передала информацию медицинскому и административному персоналу больницы, в нарушение его права на уважение его частной жизни в соответствии со статьей 8.

Основным правовым вопросом этого решения является защита медицинских данных при поступлении в больницу ВИЧ-положительного пациента. Защита конфиденциальности данных, касающихся лиц, живущих с ВИЧ, рассматривалась судом в контексте несанкционированного доступа к медицинской документации (*I. v. Finland*⁶⁹) и в отношении судебных разбирательств (*Z v. Finland*⁷⁰, и *C.C. v. Spain*⁷¹). Суд подтвердил, что люди, живущие с ВИЧ, составляют уязвимую группу (см. *Kiyutin v. Russia*⁷²), и подчеркнул важность защиты конфиденциальности медицинской информации, касающейся этих лиц (*Z v. Finland*, упомянутое выше). Суд отметил, что передача больничному персоналу информации, относящейся к состоянию ВИЧ-положительного пациента, может, в определенных обстоятельствах, быть уместной и необходимой, как в интересах пациента, так и в интересах медицинского персонала и других пациентов больницы. В таких случаях важно убедиться, что получатель информации связан правилами конфиденциальности, применимыми к представителям медицинской профессии, или иными сопоставимыми правилами конфиденциальности.

В данном деле Суд признал жалобу необоснованной. В обоснование своего вывода он сослался на:

(i) предусмотренную в национальном законодательстве защиту права на уважение частной жизни и конфиденциальность медицинских данных, которая распространяется на всех лиц, которые, в силу своего положения или профессии, владеют информацией, относящейся к здоровью пациента (это касается всех лиц, причастных к делу заявителя, которые, в случае нарушения этих прав, подлежат дисциплинарной или уголовной ответственности);

(ii) тот факт, что раскрытие в деле заявителя было осуществлено исключительно в его интересах; и

(iii) необходимость обеспечения безопасности персонала больницы и охраны общественного здоровья. Суд подчеркнул, что, в принципе, любая передача конфиденциальной информации, как в деле заявителя, должна исключать любую стигматизацию пациента и сопровождаться достаточными гарантиями в этом отношении.

Тщательно рассмотрев все соответствующие вопросы, Суд посчитал, что передача информации, относящейся к ВИЧ-положительному статусу заявителя, медицинским сотрудникам, которые принимали участие в его лечении (за исключением тех, кто не имел с ним близких контактов) не нарушила его право на уважение его личной жизни.

Суд также пришел к этому же выводу в связи с упоминанием имени заявителя и сведений о его ВИЧ-положительном статусе в судебном решении, которое не было опубликовано и не было доступно для общественности. Это решение было принято в письменном виде, без

⁶⁸ *Y v. Turkey* (dec.), no. 648/10, 17 February 2015.

⁶⁹ *I. v. Finland*, no. 20511/03, 17 July 2008.

⁷⁰ *Z v. Finland*, 25 February 1997, *Reports of Judgments and Decisions* 1997-I.

⁷¹ *C.C. v. Spain*, no. 1425/06, 6 October 2009.

⁷² *Kiyutin v. Russia*, no. 2700/10, ECHR 2011, см. Доклад за 2011 год.

проведения слушания, в рамках рассмотрения административного иска заявителя против персонала больницы (сравните с позицией в деле *C.C. v. Spain*, упомянутом выше⁷³).

Частная и семейная жизнь

Дело *Khoroshenko v. Russia*⁷⁴ касалось долгосрочного тюремного заключения и права на свидания с родственниками. Заявитель был гражданином России. Он был признан виновным в убийстве и приговорен к смертной казни в 1995 году. В 1999 году приговор был заменен пожизненным заключением, и заявитель был переведен в исправительную колонию особого режима. В первые десять лет отбывания пожизненного заключения (1999-2009 гг.), заявитель содержался в условиях «строгого режима». Поэтому он имел право на два свидания с родственниками в год: каждое свидание длилось четыре часа, к участию в свидании допускалось не более двух членов семьи, заключенный и его семья были разделены стеклянной перегородкой, и свидание проходило под наблюдением тюремного надзирателя в зоне слышимости. Заключенный мог писать письма, но ему не было разрешено говорить по телефону (за исключением чрезвычайных ситуаций).

Заявитель жаловался, что различные ограничения на посещения родственников нарушили статью 8 по отдельности и в совокупности со статьей 14. Суд установил нарушение статьи 8, и не счел необходимым проводить отдельное рассмотрение тех же фактов в соответствии со статьей 14.

Что касается права на свидания с членами семьи, решение содержит интересный и полезный обзор прецедентного права Конвенции в отношении посещения тюрем, соответствующих стандартов Совета Европы (включая КПП), Организации Объединенных Наций (включая Международный пакт о гражданских и политических правах) и Межамериканской комиссии по правам человека, а также обзор выводов проведенного Судом сравнительного исследования в отношении посещения пожизненно осужденных лиц в местах лишения свободы.

В решении также изложена позиция Суда относительно важности преследования государствами, в их уголовно-правовой политике, реабилитационных и реинтеграционных целей лишения свободы. Суд сослался на рассмотренные ранее дела (в частности, *Dickson v. the United Kingdom*⁷⁵; *Vinter and Others v. the United Kingdom*⁷⁶; и *Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria*⁷⁷) и на соответствующие международные документы. Интересно, что, хотя в решении *Dickson* подчеркивается особая важность реабилитации в конце длительного срока заключения, а в решении *Vinter* отмечается чрезвычайная важность такой реабилитации для освобождения, в данном деле Суд определил четкое обязательство государства предпринять активные шаги в этой связи независимо от контекста окончания срока или освобождения, с конкретной ссылкой на посещение тюрем. В частности, Суд подчеркнул «большое значение» рекомендаций КПП в отношении того, что при долгосрочном тюремном заключении должны приниматься позитивные и упреждающие меры для компенсации десоциализирующего воздействия лишения свободы.

*Семейная жизнь*⁷⁸

Дело *Penchevi v. Bulgaria*⁷⁹ касалось отказа в разрешении на выезд ребенка за границу для воссоединения со своей матерью. Кассационный суд, вопреки подходу, использованному судами низшей инстанции, отказал заявителю в разрешении на вывоз ее ребенка из Болгарии для проживания вместе с ней в Германии, где она училась в аспирантуре. Кассационный суд сослался на положения национального законодательства, которое требует согласия обоих

⁷³ *C.C. v. Spain*, сноска 71.

⁷⁴ *Khoroshenko v. Russia* [GC], no. 41418/04, ECHR 2015.

⁷⁵ *Dickson v. the United Kingdom* [GC], no. 44362/04, § 75, ECHR 2007-V.

⁷⁶ *Vinter and Others v. the United Kingdom* [GC], nos. 66069/09, 130/10 and 3896/10, §§ 111-16, ECHR 2013 (выдержки).

⁷⁷ *Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria*, nos. 15018/11 and 61199/12, §§ 243-46 and 265, ECHR 2014 (выдержки).

⁷⁸ See also *Kuppinger*, сноска 43.

⁷⁹ *Penchevi v. Bulgaria*, no. 77818/12, 10 February 2015.

родителей на вывоз ребенка из страны. Отец не дал своего согласия. Производство на национальном уровне длилось почти два года и три месяца. В конечном итоге суды разрешили ребенку присоединиться к его матери в Германии. Заявители (мать и ребенок) жаловались, что отказ позволить ребенку выехать из Болгарии составил вмешательство в их право на уважение семейной жизни.

Суд постановил, что в обстоятельствах данного дела была нарушена статья 8. Решение интересно тем, что факты данного дела не касаются спора об опекуновстве или вопросов по Гаагской Конвенции. Рассмотрение Судом было направлено на изучение вопроса, составил ли отказ позволить ребенку сопровождать его мать в другую страну для получения ей последипломного образования нарушение права заявителей на уважение их семейной жизни. В этой связи, Суд должен был определить, в какой степени наилучшие интересы ребенка учитывались в этом контексте.

Суд установил, что разлука матери и ребенка в период судебного разбирательства являлась вмешательством в право обоих заявителей на уважение их семейной жизни. Вмешательство имело законные основания, учитывая, что, в соответствии с национальным законодательством, для выезда ребенка за границу требуется согласие обоих родителей. Кроме того, это вмешательство преследовало законную цель, а именно защиту прав отца ребенка. Ключевым вопросом в обстоятельствах данного дела была необходимость вмешательства. В этом отношении, Суд отметил, что:

(i) Кассационная инстанция не приняла во внимание обстоятельства дела, но применила формальный и механический подход к ситуации заявителей, опираясь исключительно на требование родительского согласия, изложенное в национальном законодательстве. Ни на одном этапе кассационный суд не рассмотрел вопрос, будет ли нанесен ущерб интересам ребенка, если ему будет позволено присоединиться к его матери в Германии. Суд не принял во внимание реальную ситуацию заявителей, например, тот факт, что отец ребенка в Болгарии о нем не заботился.

(ii) Кассационный суд также обосновал свой отказ тем, что заявитель совершила техническую ошибку, не указав в своем заявлении, что страной назначения была Германия.

(iii) Период времени, необходимый для принятия решения национальными судами, оказал серьезное негативное воздействие на способность заявителей жить вместе, и их продолжительную разлуку следует рассматривать как несовместимую с их правами по статье 8.

Суд установил, что, в свете вышеупомянутых выводов, не было необходимости рассматривать вопрос, была ли в обстоятельствах данного дела нарушена статья 2 Протокола № 4 к Конвенции.

***

Дело [*Zaiet v. Romania*](#)⁸⁰ касалось отмены решения об удочерении через несколько десятилетий после принятия этого решения. Заявитель была удочерена в возрасте семнадцати лет. У нее также была сестра, которая была удочерена той же приемной матерью. После смерти их приемной матери, выяснилось, что последняя имела право на участок лесных земель, который был незаконно отчужден у ее семьи. Заявитель, в принципе, имела право унаследовать половину доли. Тем не менее, сестра заявителя добилась отмены удочерения заявителя. Национальный суд, который рассматривал дело, установил, что удочерение служило исключительно экономическим интересам приемной матери и заявителя, и не имело целью обеспечение лучшей жизни для заявителя. Решение об аннулировании удочерения заявителя было принято через тридцать один год после акта удочерения и через восемнадцать лет после смерти приемной матери заявителя. Жалобы заявителя в разбирательстве по Конвенции были рассмотрены в соответствии со статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

⁸⁰ *Zaiet v. Romania*, no. 44958/05, 24 March 2015.

Суд признал статью 8 применимой, так как отмена удочерения, через тридцать один год после того, как оно было признано законом, нанесло ущерб праву заявителя на уважение ее семейной жизни. Решение национального суда аннулировать удочерение представляет собой вмешательство в права заявителя по статье 8, учитывая, что отношения между усыновителем и усыновленным ребенком подпадают под действие этой статьи.

Суд выразил сомнения в том, что это вмешательство было «предусмотрено законом», с учетом сомнительного права сестры заявителя подавать заявление о признании удочерения недействительным в соответствии с законодательством, действовавшим в то время. Суд также поставил под сомнение легитимность цели, преследуемой аннулированием удочерения в силу мотивов, которыми руководствовалась сестра заявителя при возбуждении этого разбирательства, то есть желая унаследовать все имущество приемной матери в одиночку. Суд, тем не менее, предпочел рассмотреть дело с точки зрения принципа «необходимости» и разобраться, было ли решение национального суда аннулировать удочерение заявителя оправдано соответствующими и достаточными причинами. Было установлено, что оспариваемое решение не удовлетворяло этих условий, так как оно было расплывчатым и не содержало достаточных обоснований, оправдывающих принятие таких радикальных мер.

Это был первый случай, когда Суд должен был рассмотреть отмену постановления об усыновлении в контексте, когда усыновитель уже умер, а усыновленный давно достиг совершеннолетия. Это решение интересно тем, что Суд подчеркнул в нем следующие моменты:

(i) Разделение семьи является очень серьезным вмешательством, и любые такие меры должны основываться на достаточно значимых и веских причинах, не только в интересах ребенка, но и в отношении правовой определенности;

(ii) Аннулирование усыновления не может быть мерой, направленной против усыновленного ребенка, и, как правило, правовые положения, регулирующие усыновление, направлены, в первую очередь, на защиту интересов детей; и

(iii) Если последующее расследование показывает, что окончательное решение об усыновлении было основано на мошеннических или вводящих в заблуждение доказательствах, интересы ребенка должны оставаться главными при рассмотрении вопросов в отношении любого ущерба, причиненного усыновителю в результате принятия противоправного решения.

Свобода мысли, совести и религии (статья 9)

Дело *Karahmed v. Bulgaria*⁸¹ касалось проведения демонстрации возле мечети во время регулярной пятничной молитвы и официального расследования столкновений, имевших место на территории мечети. В демонстрации принимали участие около 100-150 человек, которые были членами и сторонниками политической партии, и протестовали против того, что они называли «завываниями», доносящимися во время призывов к молитве из громкоговорителей, установленных на единственной мечети столицы. Демонстрация вышла из-под контроля. Верующие мусульмане, включая заявителя, подверглись оскорблениям, и это сопровождалось актами насилия и бросанием различных предметов. Полиции пришлось вмешаться, чтобы прекратить насилие.

Два первоначальных расследования этого инцидента были приостановлены без предъявления каких-либо обвинений. Третье расследование привело к предъявлению обвинений семи лицам, но неизвестно, были ли они привлечены к ответственности. Дальнейшее расследование в связи с запретом пропаганды ненависти на почве религии, было начато, но не привело к предъявлению каких-либо обвинений.

Заявитель жаловался, что власти не обеспечили ему надлежащую защиту против

⁸¹ *Karahmed v. Bulgaria*, no. 30587/13, 24 February 2015.

демонстрантов, когда он молился в мечети, и что они не провели надлежащего расследования. Он жаловался на нарушение статьи 9 Конвенции.

Интересной особенностью этого решения является значение, которое придается в нем согласованию различных прав и свобод сторон в соответствии со статьями 9, 10 и 11 Конвенции. Суд отметил, что, в принципе, эти фундаментальные права и свободы заслуживают равного уважения. Их значимость в обществе, основанном на плюрализме, терпимости и широком кругозоре, должна признаваться должным образом. Поэтому полиция имела позитивное обязательство гарантировать как право граждан на проведение демонстрации, так и право верующих исповедовать свою религию, хотя это обязательство не должно было налагать на них чрезмерное бремя.

Применяя эти принципы к фактам данного дела, Суд установил нарушение статьи 9. Власти были осведомлены о существовавшей напряженности и о потенциальной опасности планируемой демонстрации. Тем не менее, они не приняли никаких мер для того, чтобы права демонстрантов и молящихся были защищены в равной мере. Действия полиции ограничивались простым прекращением насилия. В конечном счете, право на проведение демонстрации получило преимущество, в ущерб праву мирно исповедовать свою религию. Последующие расследования не привели ни к какой эффективной реакции на обжалуемые события.

Свобода выражения мнения (статья 10)⁸²

Применимость

Дело *Petropavlovskis v. Latvia*⁸³ касается отказа удовлетворить просьбу заявителя о предоставлении гражданства, в связи с критикой им языковой политики правительства в сфере образования. Заявитель жаловался на нарушения статей 10, 11 и 13 Конвенции.

В Латвийской Республике заявитель имел статус «постоянно проживающего негражданина». Он принимал активное участие в акциях протеста против политики государства-ответчика в отношении использования русского языка в качестве языка обучения в начальных и государственных школах. Его заявление о получении статуса натурализованного гражданина Латвии было отклонено Кабинетом Министров на том основании, что его действия не продемонстрировали верность Латвийской Республике, в соответствии с требованиями Закона о гражданстве. Он пытался обжаловать этот отказ в национальных судах, но безуспешно. По мнению национальных судов, обжалуемое решение было «политическим решением» и, таким образом, не подлежало судебному пересмотру. В ходе разбирательства по Конвенции заявитель утверждал, что ему был произвольно отказано в получении гражданства государства-ответчика, поскольку он осуществлял свои права в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции. В общем, он стал жертвой карательных мер за критику реформы государства-ответчика в секторе образования и, в частности, его языковой политики. В решении были отмечены два взаимосвязанных момента.

Во-первых, Суд счел, что заявителю никто и никогда не мешал выражать свое несогласие с языковой политикой государства-ответчика в сфере образования, будь то на деле или на словах. Суд отметил, что заявитель продолжал беспрепятственно выражать свои взгляды, как по языковому вопросу, так и по другим вопросам, представляющим общественный интерес, после того как его заявление о предоставлении гражданства было отклонено. По мнению Суда, в этих обстоятельствах заявитель не может утверждать, что политика правительства в отношении получения гражданства оказала негативное воздействие на осуществление им своих прав в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции.

Во-вторых, в связи с предыдущим заключением, Суд установил, что решение властей отклонить заявление заявителя о получении гражданства не может считаться карательной мерой. Суд принял

⁸² См. также *Bohlen*, сноска 61.

⁸³ *Petropavlovskis v. Latvia*, no. 44230/06, 13 January 2015.

во внимание положения международного права в отношении существования или отсутствия обязанности предоставлять гражданство. Отметив, что и Всеобщая декларация прав человека и Американская конвенция о правах человека прямо предусматривают право на гражданство, Суд подчеркнул, что такое обязательство не предусмотрено в системе Конвенции. Суд согласился, что произвольные или дискриминационные решения в сфере гражданства могут привести к возникновению вопросов в соответствии с Конвенцией (см., например, *Genovese v. Malta*⁸⁴). Тем не менее, это не означает, что Конвенция предусматривает право на получение конкретного гражданства. По мнению Суда, этот вопрос должен решаться на национальном уровне, с учетом правил гражданства в конкретном Договаривающемся Государстве и критериев, используемых для предоставления гражданства. Суд отметил, что выбор критериев для предоставления гражданства путем натурализации в соответствии с национальным законодательством зависит от характера связи между государством и заинтересованным лицом, который каждое общество определяет самостоятельно. В обстоятельствах дела заявителя, Суд отметил, что демократическое государство имеет право требовать от лиц, желающих получить его гражданство, проявления лояльности к государству и, в частности, к конституционным принципам, на которых оно основано. Суд отметил, что требование лояльности к государству и его Конституции не может считаться карательной мерой, которая может составить вмешательство в свободу выражения мнений и свободу собраний. Представляется, что этот критерий должен быть выполнен любым лицом, стремящимся получить латвийское гражданство путем натурализации.

В свете вышесказанного, Суд пришел к выводу, что статьи 10 и 11 неприменимы в обстоятельствах данного дела.

Свобода выражения мнения

Дело *Morice*⁸⁵, упомянутое выше, касается осуждения адвоката за клевету в связи с его замечаниями в отношении членов судебных органов. Оспариваемые замечания были опубликованы национальной газетой в статье, в которой цитировалось письмо заявителя и одного из его коллег министру юстиции с просьбой провести административное расследование поведения двух судей, и комментарии журналиста, написавшего эту статью.

Дело поднимает интересный вопрос о степени свободы выражения мнения адвоката и пределах допустимой критики поведения членов судебных органов при исполнении ими своих служебных обязанностей.

Комментарии заявителя были связаны с судебным расследованием, открытым после смерти судьи, которое с самого начала привлекало значительное внимание средств массовой информации. Комментарии касались участвовавших в расследовании судей, которые впоследствии были отстранены от дела. Расследование было продолжено другим судьей, который не был объектом критики.

При осуждении заявителя, апелляционный суд заявил, что утверждение, что следственный судья продемонстрировал «поведение, которое полностью расходилось с принципами беспристрастности и справедливости», само по себе является клеветническим обвинением. Использование термина «попустительство» дополнительно подтверждало клеветнический характер обвинения.

В решении Суда, которое содержит исчерпывающий обзор прецедентного права в отношении свободы выражения мнения адвокатов, подчеркивается необходимость различать две ситуации: случаи, когда адвокат делает замечания в зале суда, и случаи, когда он делает замечания вне зала суда. Суд отметил, что адвокаты играют особую роль в качестве независимых специалистов в области отправления правосудия, и не могут быть приравнены к журналистам. Суд также подчеркнул важность изучения характера оспариваемых высказываний – в том числе используемый тон – в общем контексте, в котором они были

---

⁸⁴ *Genovese v. Malta*, no. 53124/09, 11 October 2011.

⁸⁵ *Morice*, сноска 46.

сделаны. Национальные суды не изучили этот вопрос.

В случае замечаний по вопросам, представляющим общественный интерес, связанный с функционированием судебной системы, требуется высокий уровень защиты свободы выражения мнения. Свобода усмотрения, которой обладают власти в подобных случаях, является очень узкой. Суд признал, что адвокат должен иметь возможность привлечь внимание общественности к потенциальным недостаткам в системе правосудия, и что конструктивная критика может быть полезной для судебной власти.

Еще одной интересной особенностью решения является то, что в нем подчеркивается разница между речью судей (на которых возлагается обязанность усмотрения), юристов и журналистов. Как отметил Суд, «надлежащее функционирование судов не было бы возможным без отношений, основанных на договоренности и взаимном уважении между различными участниками системы правосудия, в авангарде которой находятся судьи и адвокаты».

Факты этого дела специфичны в ряде аспектов. Так, например, двое следственных судей, подвергшихся критике, были отстранены от уголовного дела, так что замечания заявителя не были способны нанести вред надлежащему проведению судебного разбирательства.

Наказание, наложенное на заявителя, было достаточно серьезным; более того, его статус адвоката упоминался, чтобы оправдать большую тяжесть наказания. Как отметил Суд, наказание, наложенное на адвоката, должно было оказать «негативное воздействие» на его свободу выражения мнений.

Суд установил нарушение статьи 10 в результате осуждения заявителя за диффамацию. Его обжалуемые замечания не нанесли серьезного вреда, и не были, по сути, необоснованными нападениями на действия судов, а скорее критическими замечаниями, высказанными в отношении судей в рамках дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес и связанным с функционированием системы правосудия, в контексте дела, которое широко освещалось в СМИ с самого начала. Хотя эти замечания можно признать достаточно резкими, они, тем не менее, представляют собой оценочные суждения, имеющие достаточные фактические основания».

***

Дело *Fuchs v. Germany*⁸⁶ касалось уголовных и дисциплинарных санкций, наложенных на адвоката заявителя за то, что он позволил себе клеветнические заявления против эксперта обвинения. Представляя клиента, обвиняемого в загрузке детской порнографии на свой компьютер, заявитель представил в национальный суд письменное заявление, что частный эксперт, привлеченный обвинением для расшифровки данных, манипулировал ими для того, чтобы получить результат, нужный обвинению, и был лично заинтересован в фальсификации доказательств. Прежде чем представить свои заключения в суде, эксперт был приведен к присяге. Эксперт подал уголовный иск против заявителя. В конечном итоге, заявитель был осужден, в частности, за клевету, и оштрафован. В рамках последующего дисциплинарного разбирательства он получил выговор и был оштрафован за невыполнение обязательства исполнять свои профессиональные обязанности надлежащим и добросовестным образом.

В рамках разбирательства по Конвенции, заявитель жаловался, что меры, принятые против него, нарушили его права в соответствии со статьей 10.

Суд объявил жалобу неприемлемой, признав, что эти меры были необходимы в демократическом обществе. Суд учел актуальность и достаточность причин, приведенных национальными судами. В первую очередь, он согласился с национальным уголовным судом в том, что защита интересов клиента не позволяла заявителю утверждать, что эксперт сфальсифицировал доказательства. Во-вторых, соглашаясь с мнением дисциплинарного суда, Суд считает, что оскорбительные высказывания не содержали объективной критики работы эксперта в деле его клиента, но были направлены на то, чтобы представить его действия недобросовестными в целом, а его выводы – непригодными для использования. Суд согласился

⁸⁶ *Fuchs v. Germany* (dec.), nos. 29222/11 and 64345/11, 27 January 2015.

с выводами национальных судов, что заявления, которые были предметом уголовного и дисциплинарного разбирательств, не были оправданы защитой законных интересов клиента. Что касается вопроса о соразмерности, Суд отметил, что уголовный суд, при определении наказания, налагаемого на заявителя, принял во внимание тот факт, что его заявления не были сделаны публично, и что штрафы, наложенные в рамках уголовного и дисциплинарного разбирательств, не представляются несоразмерными.

Это дело примечательно тем, что это был первый случай, когда Суд рассмотрел вопрос, в какой степени юристы могут оспаривать правдивость и компетентность экспертов, принявших присягу. Суд отметил, что принявшие присягу эксперты должны иметь возможность исполнять свои обязанности в условиях «свободы от необоснованных нападок, если они хотят быть успешными в выполнении их задач. Поэтому может возникнуть необходимость в их защите от оскорбительных словесных нападок при исполнении ими служебных обязанностей». Решение Суда может рассматриваться как развитие принципов, изложенных в его предыдущих решениях, касающихся центральной роли юристов в обеспечении общественного доверия к отправлению правосудия (см. [Nikula v. Finland](#)⁸⁷, и [Steur v. the Netherlands](#)⁸⁸).

Свобода распространять информацию

Дело [Delfi AS v. Estonia](#)⁸⁹ касалось обязанностей и ответственности новостного интернет-портала в связи с комментариями пользователей к материалам, опубликованным на портале.

Delfi AS был одним из крупнейших новостных интернет-порталов в Эстонии. Он позволял пользователям комментировать статьи, опубликованные на его сайте. Эти комментарии загружались автоматически, но подлежали автоматическому удалению, если они содержали определенные (оскорбительные) слова. Также на сайте работала система удаления комментариев после получения уведомления.

В 2006 году компания-заявитель опубликовала статью о том, что паромная компания, изменив свои маршруты, задержала открытие ледовой дороги (для более дешевого и быстрого перемещения). Статья вызвала довольно много комментариев, многие из которых были впоследствии квалифицированы Большой Палатой как направленные на разжигание ненависти или насилия в отношении мажоритарного акционера паромной компании. После получения уведомления от жертвы несколько недель спустя, компания-заявитель незамедлительно удалила эти комментарии. Гражданский иск жертвы против компании-заявителя был успешным. Присужденная сумма компенсации убытков была незначительной (320 евро).

Палата не нашла нарушения статьи 10 Конвенции, и позднее, по просьбе компании-заявителя, дело было передано на рассмотрение Большой Палаты, которая пришла к такому же заключению.

Дело примечательно тем, что в нем Суд впервые непосредственно рассмотрел вопрос обязанностей и ответственности новостного интернет-портала, предоставляющего, в целях получения прибыли, пространство для размещения пользовательских комментариев анонимно и без предварительной регистрации.

- Большая Палата посчитала предсказуемым заключение Верховного Суда о том, что новостной портал компании-заявителя не был пассивным посредником в сети Интернет, а скорее издателем, в основном по причине финансовой заинтересованности компании в публикации комментариев пользователей. Следовательно, соответствующая директива Европейского Союза (Директива ЕС 2000/31/ЕС об электронной коммерции), которая освобождает интернет-провайдеров от обязанности контролировать сторонние комментарии, неприменима к компании-заявителю. Тем не менее, Большая Палата признала, что необходимо проводить законное различие между обязанностями и ответственностью оператора портала

⁸⁷ *Nikula v. Finland*, no. 31611/96, §§ 45-50, ECHR 2002-II.

⁸⁸ *Steur v. the Netherlands*, no. 39657/98, § 36, ECHR 2003-XI.

⁸⁹ *Delfi AS v. Estonia* [GC], no. 64569/09, ECHR 2015.

(даже если он, как компания-заявитель, является, по финансовым причинам, активным посредником при выражении пользователями их мнений) и традиционных издателей новостей (Большая Палата сослалась, в частности, на пункт 7 Приложения к Рекомендации СМ/Рес (2011)7 Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ).

- Большая Палата также приняла четыре критерия, которые были использованы Палатой, для оценки, на основании фактов дела, выполнил ли новостной портал-заявитель свои обязанности и ответственность издателя в соответствии со статьей 10, перед тем, как прийти к выводу, что вмешательство в права заявителя в соответствии со статьей 10 было основано на соответствующих и достаточных причинах и не было несоразмерным. Во-первых, в отношении контекста комментариев, Суд подчеркнул, в частности, профессиональное управление порталом и тот факт, что портал извлекал из комментариев финансовую выгоду. Во-вторых, было ли установление ответственности авторов комментариев реальной альтернативой? Большая Палата постановила, что не было, главным образом потому, компания-заявитель не предприняла доступные ей шаги, которые бы способствовали установлению авторов комментариев для такого разбирательства. В-третьих, меры, принятые пресс-порталом после публикации, были признаны недостаточными. Суд отметил в этой связи, что крупный коммерческий новостной портал имел возможности мониторинга, которых не имела жертва комментариев пользователей. В-четвертых, было установлено, что влияние вмешательства на новостной портал не было существенным: наказание было незначительным, и новостной портал продолжал после этого успешно работать без фундаментальных изменений своей бизнес-модели.

В целом, Суд признал, что государство может потребовать от новостного портала отслеживать комментарии пользователей и удалять явно незаконные комментарии без задержек, даже без уведомления от предполагаемой жертвы или третьей стороны. Следовательно, систему удаления комментариев после получения уведомления нельзя считать адекватным *post facto* контролем над комментариями пользователей, когда комментарии являются явно незаконными.

Свобода прессы

Решение по делу [*Haldimann and Others v. Switzerland*](#)⁹⁰ касалось аудио-визуальной записи профессиональной деятельности частного лица без его ведома и согласия, и последующей трансляции части этой записи в целях общественного интереса. Журналисты-заявители хотели раскрыть факты злоупотребления служебным положением в страховом секторе, в частности, практику, связанную с предоставлением неправильных советов потенциальным клиентам с тем, чтобы побудить их застраховать свою жизнь. Они организовали беседу страхового агента, работающего в страховой компании, с потенциальным клиентом на частной квартире, и тайно записали эту беседу. Агент не знал об этой ситуации, а потенциальный клиент на самом деле был одним из журналистов. Часть записанного интервью впоследствии была показана по телевидению. Были приняты меры для того, чтобы зрители не могли идентифицировать лицо страхового агента и его голос. Был виден только цвет его волос и кожи. Журналисты были впоследствии осуждены и оштрафованы в соответствии с Уголовным кодексом за запись и трансляцию беседы со страховым агентом без его согласия.

Заявители жаловались в Суд, что их осуждение и приговор привели к нарушению статьи 10 Конвенции. Суд принял решение в пользу заявителей.

Это решение примечательно тем, что в нем Суд впервые обратился к вопросу использования журналистами скрытой камеры для записи действий частного лица с целью привлечения внимания к проблеме, представляющей общественный интерес. Это решение также интересно в связи с решением Суда использовать критерии установления равновесия, которые он разработал в контексте вмешательства прессы в личные права на конфиденциальность.

---

⁹⁰ *Haldimann and Others v. Switzerland*, no. 21830/09, 24 February 2015.

В первую очередь, Суд признал, что в национальном законодательстве существовали основания для осуждения заявителей и наложения на них штрафа, и что меры, принятые против них, были направлены, в частности, на осуществление права страхового агента на защиту его репутации. Суд также признал, что в обстоятельствах данного дела также применима статья 8, учитывая, что нарушение права страхового агента на защиту своей репутации нанесло ущерб его личной жизни (см. [A. v. Norway](#)⁹¹). Ключевой вопрос состоял в том, было ли это вмешательство необходимо в демократическом обществе.

Интересно отметить, что в данном деле, при оценке, был ли соблюден на национальном уровне справедливый баланс между свободой СМИ и уважением к личной жизни, Суд использовал критерии, установленные им в деле [Axel Springer AG v. Germany](#)⁹². В отличие от ситуации в том деле, в данном деле пострадавшая сторона была не публичным, а частным лицом. Целью журналистов было не раскрытие подробностей личной жизни страхового агента, но критика и привлечение внимания к практике в отрасли, в которой он работал.

Суд отметил следующие факторы. Во-первых, в своих действиях журналисты руководствовались соображениями общественного интереса, а именно защиты потребителей. Во-вторых, страховой агент не был непосредственным объектом действий журналистов, несмотря на то, что он мог разумно ожидать, что беседу с ним не будут тайно снимать. В-третьих, использование скрытой камеры не является предметом абсолютного запрета в национальном законодательстве. Использование таких устройств может быть разрешено при соблюдении строгих условий. Кроме того, журналисты считали, что они действуют в рамках правил своего профессионального поведения. По этим причинам, Суд был готов признать, что заявители действовали добросовестно, с тем, чтобы защитить потребителей от дезинформации со стороны страховых компаний. В-четвертых, не оспаривалось, что факты, выявленные журналистами, отражали реальную практику в отрасли страхования. В-пятых, при обнародовании беседы были приняты меры, чтобы предотвратить идентификацию страхового агента. Наконец, хотя штрафы, наложенные на журналистов, были незначительными, эта санкция, тем не менее, могла повлиять на готовность работников средств массовой информации привлекать внимание к вопросам, представляющим общественный интерес.

Право на получение и распространение информации

Дело [Guseva v. Bulgaria](#)⁹³ касалось отказа муниципального органа предоставить заявителю доступ к официальной информации в исполнение окончательного судебного решения в пользу заявителя. Заявитель, активный член организации по защите прав животных, получила три отдельных и окончательных судебных решения, гласящих, что мэр города должен предоставить ей информацию, касающуюся обращения с бездомными животными, отловленными на улицах города. Мэр не предоставил ей эту информацию. Заявитель подала жалобу, в соответствии со статьей 10 Конвенции, что поведение мэра составило нарушение ее права на получение и распространение информации.

Суд установил, что имело место нарушение Конвенции. Суд повторил, что статья 10 применима при обжаловании отказа в предоставлении журналисту или неправительственной организации официальной информации по вопросам, представляющим общественный интерес (см., например, [Kenedi v. Hungary](#)⁹⁴, [Youth Initiative for Human Rights v. Serbia](#)⁹⁵, и [Österreichische Vereinigung zur Erhaltung, Stärkung und Schaffung v. Austria](#)⁹⁶). В соответствующих судебных решениях Суд подчеркнул общественно-наблюдательную роль средств массовой информации и неправительственных организаций.

В данном деле, Суд отметил, что заявитель занималась законным сбором информации,

⁹¹ [A. v. Norway](#), no. 28070/06, § 64, 9 April 2009.

⁹² [Axel Springer AG v. Germany](#) [GC], no. 39954/08, §§ 90-95, 7 February 2012.

⁹³ [Guseva v. Bulgaria](#), no. 6987/07, 17 February 2015.

⁹⁴ [Kenedi v. Hungary](#), no. 31475/05, 26 May 2009, см. Доклад за 2009 год.

⁹⁵ [Youth Initiative for Human Rights v. Serbia](#), no. 48135/06, § 20, 25 June 2013, см. Доклад за 2013 год.

⁹⁶ [Österreichische Vereinigung zur Erhaltung, Stärkung und Schaffung v. Austria](#), no. 39534/07, § 34, 28 November 2013, см. Доклад за 2013 год.

представляющей общественный интерес, с целью содействия общественной дискуссии. Отказ мэра предоставить информацию помешал подготовительному этапу процесса информирования общественности, и, следовательно, нарушил ее право на распространение информации. В функции Суда не входило обоснование вмешательства, поскольку для отказа мэра не было законных оснований. Мэр не исполнил решения национальных судов, хотя эта информация находилась в его исключительном распоряжении и была легко доступной. Что интересно, Суд отметил также, что национальное законодательство не предусматривает каких-либо четких сроков исполнения судебных решений. Поэтому исполнение зависит от доброй воли органа, ответственного за реализацию решения суда. Поэтому применимое внутреннее законодательство не соответствует требованию предсказуемости, неразрывно связанному с понятием законности.

Свобода собраний и ассоциаций (статья 11)⁹⁷

Право на забастовку

Дело [*Junta Rectora Del Ertzainen Nazional Elkartasuna \(ER.N.E.\) v. Spain*⁹⁸](#) касалось лишения членов государственных сил безопасности права на забастовку. Ссылаясь, в частности, на статью 11 Конвенции, профсоюз-заявитель жаловался на законодательный запрет на осуществление права на забастовку государственными служащими этой категории.

Следует напомнить, что статья 11 явно упоминает вооруженные силы и полицию среди тех, на кого могут быть наложены, максимум, «законные ограничения», и не оспаривает свободы членов соответствующих профсоюзов. Такие ограничения не должны ущемлять саму суть права на организацию забастовок (см. [*Matelly v. France*⁹⁹](#)).

Решение интересно тем, каким образом, при оценке соответствия статье 11, в нем рассматриваются конкретные обязанности сотрудников государственных правоохранительных органов. Суд постановил, что нарушения статьи 11 не было. Хотя факты, на которые в конкретных обстоятельствах жаловался профсоюз-заявитель, составили вмешательство в его право на свободу ассоциаций, это вмешательство не было неоправданным, так как профсоюз мог осуществить это право по существу. В отличие от ситуации в деле [*Enerji Yapi-Yol Sen v. Turkey*¹⁰⁰](#), предусмотренные законодательством ограничения применяются не ко всем государственным служащим, но касаются исключительно членов государственных сил безопасности, являющихся гарантами общественной безопасности. Законодательство возлагает на эти силы большую ответственность, требуя, чтобы они защищали законность в любое время и в любом месте, как в рабочее время, так и вне его. Суд отметил, в частности:

«38. ... Необходимо обеспечить непрерывную работу, и тот факт, что «сотрудники правоохранительных органов» имеют оружие, отличает эту категорию от других государственных служащих, таких, как члены национальной юридической службы или врачи, что делает обоснованным ограничение их права на организацию. Более строгие требования, предъявляемые к ним, не выходят за рамки необходимых в демократическом обществе, поскольку эти требования служат для защиты общих интересов государства, в частности, обеспечения национальной безопасности, общественной безопасности и предотвращения беспорядков – принципов, изложенных в статье 11 § 2 Конвенции.

39. Специфика деятельности этих государственных служащих оправдывает предоставление государству достаточно широкой свободы усмотрения при разработке своей законодательной политики, чтобы оно могло регулировать, в интересах общества, некоторые аспекты деятельности профсоюзов, не лишая их прав в соответствии со статьей 11 по существу...»

Запрещение дискриминации (статья 14)

Статья 14 в совокупности со статьей 3

⁹⁷ См. также *Petropavlovskis*, сноска 83.

⁹⁸ *Junta Rectora Del Ertzainen Nazional Elkartasuna (ER.N.E.) v. Spain*, no. 45892/09, 21 April 2015.

⁹⁹ *Matelly v. France*, no. 10609/10, § 75, 2 October 2014.

¹⁰⁰ *Enerji Yapi-Yol Sen v. Turkey*, no. 68959/01, § 32, 21 April 2009.

Дело *Identoba and Others*¹⁰¹, упомянутое выше, касалось инцидента в Грузии, который произошел во время мирной демонстрации, организованной неправительственной организацией по защите прав лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов (ЛГБТ). Тридцать человек приняли участие в проводимом в столице марше, посвященном Международному дню борьбы с гомофобией. Власти были заблаговременно уведомлены об этом мероприятии. Демонстрантов окружила многочисленная группа оппонентов, принадлежащих к религиозным группам, которые оскорбляли и угрожали им, а также совершали физические нападения на них. Все тринадцать заявителей стали объектами ненависти и агрессивного поведения. Впоследствии двое противников демонстрации выплатили административные штрафы. Расследование телесных повреждений двоих из заявителей еще не было завершено, когда Суд вынес свое решение.

Заявители жаловались, что национальные власти не защитили их от дискриминационных нападений противников демонстрации. В своем решении Суд повторил основополагающие принципы, касающиеся предотвращения и наказания дискриминационных нападений со стороны частных лиц.

Основной правовой интерес в данном деле заключается в аргументации Суда в отношении статей 3 и 14 Конвенции в связи с дискриминационными нападениями на демонстрантов на основании их сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Во-первых, в обоснование своего вывода, что были дискриминационные мотивы для нападения, Суд сослался на доклады Комиссара Совета Европы по правам человека, а также Международной ассоциации геев и лесбиянок (ILGA). Во-вторых, Суд разъяснил, что чувство страха и неуверенности, которые обязательно должны были вызвать у заявителей словесные и физические нападения, усугублялись тем, что защита полиции, обещанная им до демонстрации, была недостаточной. Суд счел это оскорблением человеческого достоинства, которое, в обстоятельствах данного дела, достигло порога тяжести, требуемого статьей 3. В-третьих, Суд установил, что власти знали или должны были знать о возможной реакции гомофобов и трансфобов, и, следовательно, были обязаны обеспечить повышенную защиту демонстрантов от нападений со стороны третьих лиц. Тем не менее, полиция не предприняла достаточных шагов, чтобы прекратить нападения на демонстрантов, которые препятствовали проведению мирного шествия.

Кроме того, расследование властями этого инцидента не было всеобъемлющим и эффективным, и не удовлетворяло процессуальным требованиям, предусмотренным статьей 3. Демонстранты подверглись дискриминационным нападениям по причине своей сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Несоблюдение закона в такой ситуации может рассматриваться как равносильное официальному безразличию или даже попустительству со стороны правоохранительных органов в отношении преступлений на почве ненависти. Таким образом, Суд постановил, что была нарушена статья 3 Конвенции в совокупности со статьей 14.

Защита собственности (Статья 1 Протокола № 1)

Применимость

Дело *Tchokontio Harpi*¹⁰², упомянутое выше, касалось продолжающегося неисполнения окончательного решения суда о переселении лица. Это решение в отношении заявителя было принято в соответствии с законом, который признает право на достойное и независимое проживание, и гласит, что неисполнение государственными органами решения о переселении влечет за собой выплату штрафа в специальный государственный фонд.

Это решение примечательно тем, что в нем Суд провел различие между фактами данного

---

¹⁰¹ *Identoba and Others*, сноска 16.

¹⁰² *Tchokontio Harpi*, сноска 42.

дела и делами *Teteriny v. Russia*¹⁰³ и *Olaru and Others v. Moldova*¹⁰⁴. В данном деле окончательное решение не требовало от властей передать заявителю право собственности на квартиру, а просто позволить ей пользоваться этой квартирой. Действительно, заявитель могла получить право собственности на квартиру при определенных условиях. Тем не менее, у властей не было никаких юридических обязательств продавать эту квартиру. Соответственно, заявитель не имела никаких законных ожиданий в отношении приобретения материальных активов, и поэтому ее жалоба по этой статье была отклонена как несовместимая *ratione materiae*.

Пользование собственностью

Оба решения по делам *Chiragov and Others and Sargsyan*¹⁰⁵, упомянутым выше, были приняты в один и тот же день, и касались юрисдикции государств и их обязательств по Конвенции в отношении Нагорного Карабаха и ряда прилегающих к нему территорий.

Дело *Chiragov and Others* касалось юрисдикции Армении в отношении Нагорного Карабаха и прилегающих оккупированных территорий, и, как следствие, ответственности по Конвенции (в частности, в соответствии со статьей 1 Протокола № 1) в связи с предполагаемыми нарушениями прав азербайджанских курдов, перемещенных с этих территорий. Шесть заявителей были азербайджанскими курдами, которые не имели возможности вернуться в свои дома и к своему имуществу в Лачинском районе Азербайджана после своего побега оттуда во время армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 1992 году. Суд счел, что Армения осуществляет эффективный контроль над Нагорным Карабахом и семью прилегающими к нему оккупированными территориями, и, таким образом, обладает юрисдикцией в Лачинском районе.

Дело *Sargsyan* касалось юрисдикции Азербайджана в отношении деревни неподалеку от Нагорного Карабаха на территории Азербайджана, и, как следствие, его ответственности по Конвенции (в частности, в соответствии со статьей 1 Протокола № 1) в связи с предполагаемыми нарушениями прав армян, перемещенных из этого района. Заявитель, армянин, не имел возможности вернуться в свой дом и к своему имуществу в деревне Гюлистан после своего побега оттуда во время конфликта в 1992 году. Его деревня находится не в Нагорном Карабахе, но в спорном районе на севере, на азербайджанском берегу реки, по которой проходит граница с Нагорным Карабахом. Суд установил, что обжалуемые факты подпадают под юрисдикцию Азербайджана.

Признав юрисдикцию государств-ответчиков в обоих делах, Суд перешел к рассмотрению их последующих обязательств в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 по отношению к лицам, которые, как и заявители, бежали во время конфликта в 1992 году. В обоих делах Суд установил, в частности, что лишение заявителей доступа к их имуществу и домам не было оправдано, и, следовательно, была нарушена статья 1 Протокола № 1. Стоит отметить, что дело *Sargsyan* было первым, в котором Европейский Суд должен был вынести решение по существу жалоб по Конвенции против государства, имеющего правовую юрисдикцию, но сталкивающегося с практическими проблемами касательно доступа и управления «спорной территорией». Суд признал эту трудность: он согласился, что тот факт, что спорная территория оставалась в зоне военных действий, и там было опасно (этот район был заминирован, и в нем наблюдались частые нарушения режима прекращения огня), означает, что предоставление доступа на эту территорию было невозможным. Тем не менее, Суд посчитал, что Азербайджан должен был принять альтернативные меры для защиты прав собственности.

Кроме того, Большая Палата рассуждала аналогичным образом при рассмотрении обеих жалоб по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении оснований для лишения заявителей доступа к их собственности. Большая Палата подчеркнула, что сам факт участия в текущих мирных переговорах не освобождает государство-ответчика от принятия других мер, особенно с учетом того, что

¹⁰³ *Teteriny v. Russia*, no. 11931/03, 30 June 2005.

¹⁰⁴ *Olaru and Others v. Moldova*, nos. 476/07 et al., 28 July 2009.

¹⁰⁵ *Chiragov and Others and Sargsyan*, сноска 2.

переговоры ведутся уже в течение длительного времени (*Cyprus v. Turkey*¹⁰⁶). Рекомендации в отношении необходимых мер можно найти в «Принципах Пиньейру» ООН («Принципы по вопросам реституции жилья и имущества беженцев и перемещенных лиц») и в Резолюции 1708 (2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Решение вопросов, касающихся имущества беженцев и перемещенных лиц». Особенно важным шагом было бы создание механизма подачи имущественных претензий, который был бы легко доступен и позволял бы заявителям и другим лицам в аналогичной ситуации добиться восстановления имущественных прав и получить компенсацию. То, что каждое из государств-ответчиков имело дело с большим потоком беженцев и/или внутренне перемещенных лиц (которые бежали от конфликта в 1992 году), является важным фактором, который необходимо принимать во внимание, но это не освобождает государство-ответчика от их обязательств по отношению к другой группе, включающей лиц, подобных заявителям. Отсутствие доступа, в сочетании с непринятием мер для восстановления прав собственности заявителей или выплаты компенсации, составило нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В обоих делах были подняты и другие интересные вопросы в контексте статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции:

– В решении содержится анализ прецедентного права Европейского Суда в отношении доказательств, которые должны быть представлены заявителями, чтобы доказать свою идентичность, место жительства и право собственности на имущество, когда они являются насильственно перемещенными лицами, и их имущество утрачено в результате вооруженного конфликта. Суд сослался на дела, касающиеся Северного Кипра, юго-востока Турции и Чечни, а также упомянутые выше «Принципы Пиньейру» ООН. Суд охарактеризовал свой подход как «гибкий». Принимая во внимание обстоятельства, в которых заявители были вынуждены покинуть свои дома (военные действия), «технические паспорта» на их имущество, а также их утверждения, подкрепленные другими свидетельствами, были признаны достаточными доказательствами того, что заявители владели домами и имуществом на момент своего побега во время конфликта в 1992 году.

– В соответствии с национальным законодательством, действовавшим на момент побега заявителей, они имели право только на пользование землей (в отличие от полного права собственности), которую они покинули, и Суд признал это право «сильным и защищенным правом, представляющим серьезный экономический интерес», независимо от того, было ли право заявителей на пользование землей бессрочным или временным.

Позитивные обязательства

Дело *S.L. and J.L. v. Croatia*¹⁰⁷ касалось условий, в которых вилла, принадлежащая двум несовершеннолетним детям, была передана другим лицам. Решение Суда подчеркивает степень, в которой государственные органы обязаны защищать имущественные интересы детей.

Мать детей и ее муж (который был отцом одной из двух девочек) решили продать виллу. Для этого им было необходимо получить разрешение Центра социальной защиты. В это время муж был обвинен в совершении преступления и заключен под стражу. Его адвокат занялся имущественной сделкой и решил, вместо продажи, совершить обмен этого имущества на имущество, имеющее более низкую стоимость, которое принадлежало его теще. После консультации с матерью детей, Центр социальной защиты разрешил обмен. Впоследствии, муж, действуя в качестве опекуна детей, безуспешно пытался добиться признания этого невыгодного обмена недействительным. Национальные суды отклонили его иски без рассмотрения соответствующих вопросов, таких, как тот факт, что оба владельца были несовершеннолетними, опекун которых находился в заключении, и мать которых подвергалась серьезному финансовому и личному давлению, а также что адвокат, участвовавший в процессе

¹⁰⁶ *Cyprus v. Turkey* [GC], no. 25781/94, § 188, ECHR 2001-IV.

¹⁰⁷ *S.L. and J.L. v. Croatia*, no. 13712/11, 7 May 2015.

передачи, имел конфликт интересов.

В ходе разбирательства по Конвенции две сестры жаловались, что национальные власти не смогли защитить их от обмена их виллы на квартиру значительно меньшей стоимости.

Суд установил нарушение статьи 1 Протокола № 1. Правовой интерес данного дела касается позитивных обязательств, которые эта статья налагает на государства, когда под угрозой находятся финансовые интересы детей. Суд подчеркивал исключительную важность защиты интересов детей во всех решениях, касающихся подобных вопросов (см., в частности, [X v. Latvia](#)¹⁰⁸, и [Jeunesse v. the Netherlands](#)¹⁰⁹). В данном решении этот принцип был применен к статье 1 Протокола № 1. Суд счел, что Управление социальной защиты и судебные органы были обязаны обеспечить надежную защиту имущественных интересов детей, в том числе от нечестности со стороны третьих лиц.

В данном деле, однако, решения, принятые компетентными органами, которые принимали участие в сделке, характеризовались рядом недостатков, в частности: (i) Управление социальной защиты не проявило необходимой осмотрительности в плане оценки возможных негативных последствий договора обмена для интересов детей; и (ii) гражданские суды не оценили конкретные обстоятельства лиц, участвовавших в передаче имущества.

Другие положения Конвенции

Обязательная сила и исполнение решений (статья 46)

*Исполнение решений*¹¹⁰

В *Bochan (no. 2)*¹¹¹, упомянутом выше, Суд подчеркнул важность существования на национальном уровне процедур, позволяющих возобновить разбирательство по делу после принятия Судом решения, что гарантии справедливого судебного разбирательства в соответствии со статьей 6 были нарушены. Как указал Комитет министров Совета Европы, существование процедуры, позволяющей возобновить разбирательство на национальном уровне после установления факта нарушения Конвенции, является важным аспектом процесса исполнения решений Суда.

---

¹⁰⁸ *X v. Latvia* [GC], no. 27853/09, ECHR 2013.

¹⁰⁹ *Jeunesse v. the Netherlands* [GC], no. 12738/10, 3 October 2014.

¹¹⁰ См. также *Cestaro*, сноска 13.

¹¹¹ *Bochan (no. 2)*, сноска 31.